

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского
государственного
университета
Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 3 (50)

2022

16+

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор

Кристал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук,
профессор

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор
Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор
Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор
Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор
Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор
Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор
Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент
Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор
Корнуков Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор
Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор
Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор
Моисеев Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор
Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор
Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, доцент
Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор
Рябинина Татьяна Кимовна, доктор юридических наук, профессор
Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор
Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования», в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76950 от 09 октября 2019 г.).

Компьютерная верстка:
Н.А. Никитенко

Ответственный/технический редактор:
Н.А. Никитенко

Адрес редакции: 445020, Россия,
Самарская область, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 44-91-74

E-mail: vektornaukitgu@yandex.ru

Сайт: <https://vektornaukipravo.ru>

Подписано в печать 30.09.2022.
Выход в свет 01.12.2022.
Формат 60×84 1/8.
Печать цифровая.
Усл. п. л. 4,8.
Тираж 25 экз. Заказ 3-350-22.
Цена свободная.

Издательство Тольяттинского
государственного университета
445020, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, ректор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент, директор Института права (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор, академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, ректор, профессор кафедры уголовно-правовой специализации (Ереванский университет «Манц», Ереван, Республика Армения).

Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия), профессор кафедры теории государства и права (Российский университет дружбы народов, Москва, Россия).

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия), заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин (Российский государственный университет правосудия, Северо-Западный филиал, Санкт-Петербург, Россия).

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор, руководитель секции теории безопасности Института социальных наук и безопасности (Естественно-Гуманитарный Университет в г. Седльце, Седльце, Польша).

Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь).

Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии (Самарский национально-исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Корнуков Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики (Самарский национально-исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор (Правовая академия Таллинского университета, Таллин, Эстония).

Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии (Университет в Белостоке, Белосток, Польша).

Моисеев Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой правовых дисциплин (Институт экономики и права (филиал) образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе, Севастополь, Россия), профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса (Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия).

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права и международного права (Самарский национально-исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой публичного права (Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия).

Рябинина Татьяна Кимовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики (Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия).

Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института правовой политики и конституционного законодательства (Казахский гуманитарно-юридический университет им. М.С. Нарикбаева, Астана, Республика Казахстан).

Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

Об уголовно-процессуальных функциях прокурора Забурдаева К.А.	5
О проблеме понимания справедливости как юридической категории Иванов А.А.	11
Подготовка государственного обвинителя к участию в рассмотрении судом дел о занятии высшего положения в преступной иерархии Игнатенко Е.А., Кондратюк С.В., Мычак Т.В.	18
Следственные действия и типичные ошибки при обнаружении и изъятии доказательств преступных действий в сфере компьютерной информации Сергеев А.Б.	25
Понятие и цели наказания в русском средневековом праве Сквозников А.Н.	34
НАШИ АВТОРЫ	40

CONTENT

Concerning the criminal procedural functions of a prosecutor Zaburdaeva K.A.	5
On the problem of understanding justice as a legal category Ivanov A.A.	11
Preparation of a public prosecutor for participation in a trial for cases on the occupation of the highest position in the criminal hierarchy Ignatenko E.A., Kondratyuk S.V., Mychak T.V.	18
Crime investigations and common mistakes when detecting and withdrawing the evidence of cyber criminal actions Sergeev A.B.	25
The concept and purpose of punishment in Russian medieval law Skvoznikov A.N.	34
OUR AUTHORS	40

Об уголовно-процессуальных функциях прокурора

© 2022

Забурдаева Кристина Александровна, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

E-mail: kris.alexandrovna1992@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8770-1173>

Аннотация: В статье представлен критический анализ положения прокурора в уголовном процессе с точки зрения закрепленных за ним в ч. 1 ст. 37 УПК РФ уголовно-процессуальных функций. Актуальность исследования обусловлена отсутствием в законе четких указаний относительно целей и задач, возложенных на прокурора в досудебном и в судебном производстве, при одновременном отнесении его к стороне обвинения, задача которой – обеспечивать уголовное преследование. Противоречия и пробелы в закреплении функций и полномочий прокурора в законе привели к неопределенности его процессуального статуса, который наиболее двойственно проявляется в досудебном производстве, где, с одной стороны, прокурор, как участник стороны обвинения, осуществляет функцию уголовного преследования, а с другой – функцию процессуального надзора за органами предварительного расследования. Проведя семантический анализ термина «уголовное преследование», проанализировав представленные в уголовно-процессуальной науке идеи, взгляды, предложения, а также приняв во внимание логику закона, проявляющуюся при регламентации полномочий органов предварительного расследования по уголовному преследованию, автор обосновывает необходимость законодательного размежевания функций прокурора и установления границ для их осуществления с учетом частей уголовного судопроизводства. На досудебном производстве за прокурором следует закрепить исключительно функцию процессуального надзора, а в судебном производстве – функцию уголовного преследования. Исходя из этого, основная цель прокурора на досудебном производстве – обеспечение законности при исполнении органами предварительного расследования своих процессуальных полномочий, а в судебном производстве – осуществление уголовного преследования от имени Российской Федерации.

Ключевые слова: прокурор; процессуальные функции прокурора; уголовное преследование; процессуальный надзор; обвинение; вышестоящий прокурор; надзирающий прокурор; статья 37 УПК РФ.

Для цитирования: Забурдаева К.А. Об уголовно-процессуальных функциях прокурора // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2022. № 3. С. 5–10. DOI: 10.18323/2220-7457-2022-3-5-10.

ВВЕДЕНИЕ

Государство – один из основных субъектов уголовно-процессуальных отношений, но участвует оно в уголовном судопроизводстве опосредованно, через своих должностных лиц, наделенных властными полномочиями на проведение предварительного расследования и судебное разрешение уголовного дела. Однако «команда» государственных представителей в досудебном производстве сформирована, на наш взгляд, неудачно. От имени государства действует несколько должностных лиц: прокурор, следователь и дознаватель. При этом каждый из них осуществляет уголовное преследование, под которым, как следует из п. 55 ст. 5 УПК РФ, понимают процессуальную деятельность, осуществляемую в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Следуя логике закона, следователь и дознаватель осуществляют уголовное преследование в форме предварительного расследования, в рамках которого устанавливают событие преступления, изобличают лицо или лиц, виновных в совершении преступления (ч. 2 ст. 21 УПК РФ). А вот форма участия прокурора в осуществлении уголовного преследования и эффективность такого участия вызывают вопросы ввиду отсутствия надлежащей регламентации, на что неоднократно обращалось внимание в уголовно-процессуальной науке [1–3].

Основная трудность в том, что прокурор, согласно ч. 1 ст. 37 УПК РФ, наряду с уголовным преследовани-

ем выполняет еще одну процессуальную функцию – надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. При этом в законе нет ни четкого размежевания полномочий прокурора по обозначенным функциям, ни критериев, позволяющих такое размежевание провести. Перечисленные в УПК РФ полномочия прокурора с одинаковым успехом можно отнести как к функции уголовного преследования, так и к функции процессуального надзора. Кроме того, в отличие от органов предварительного расследования, осуществляющих свои полномочия исключительно в досудебном производстве, сфера деятельности прокурора значительно шире: как представитель государства он является участником уголовно-процессуальных отношений и в досудебном, и в судебном производстве. В то же время характер процессуальных полномочий прокурора в разных частях процесса принципиально различен: в досудебном производстве прокурор является государственно-властным субъектом, в судебном производстве – теряет свое властное начало и действует на основе равноправия с участниками стороны защиты. При этом, не имея властных полномочий в судебном производстве, прокурор осуществляет уголовное преследование в форме поддержания государственного обвинения, о чем прямо говорится в федеральном законе «О прокуратуре РФ», а в досудебном производстве, где прокурор обладает государственно-властным статусом, таких предписаний нет.

В современной уголовно-процессуальной науке проблема соотношения функций прокурора постоянно находится в центре внимания [4–6]. Несмотря на то, что в ч. 1 ст. 37 УПК РФ указано две функции: уголовное преследование и процессуальный надзор, в теории уголовного процесса выделяют и другие функциональные направления, такие, например, как руководство предварительным расследованием [7; 8], оказание правовой помощи [9] или правозащитной деятельности [10; 11] и т. д. Некоторые авторы исходят из того, что прокурор в досудебном производстве является процессуальным руководителем уголовного преследования, в рамках которого им осуществляются как надзорная, так и другие виды деятельности [7; 12]. Другие ученые указывают на необходимость совмещения, объединения функций надзора и обвинения, при этом, по мнению одних, главенствующую роль выполняет функция обвинения [13] или уголовного преследования [14], по мнению других – процессуальный надзор [15].

Обозначенные сложности в правовом регулировании функций прокурора привели к неопределенности его процессуального статуса прежде всего в досудебном производстве. Являясь по закону участником стороны обвинения, прокурор на досудебном производстве осуществляет полномочия, которые никак не связаны с обвинительной деятельностью. И хотя изучением этих вопросов занимались многие авторы, однозначного подхода к решению проблем так и не найдено [16–18]. Причина, как мы полагаем, в том, что обозначенные проблемы требуют комплексного исследования, они взаимосвязаны и не могут быть решены по отдельности.

Цель исследования – теоретико-правовой анализ процессуальных функций прокурора в рамках досудебного и судебного производства и определение на этой основе процессуального статуса прокурора как участника уголовного судопроизводства.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

При проведении исследования использован системный подход, позволивший рассмотреть объект исследования комплексно, с выделением взаимосвязанных элементов, обуславливающих место, роль и функции прокурора в уголовном процессе. Данный подход позволил первоначально определиться с понятием и содержанием уголовного преследования, ролью прокурора в осуществлении уголовного преследования и процессуального надзора за органами расследования и, исходя из этого, проанализировать действующее законодательство с точки зрения его эффективности и качества.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Российский уголовный процесс, основанный на принципах состязательности и публичности, исходит из функциональной дифференциации участников судопроизводства. Отводя прокурору место в системе участников стороны обвинения и закрепляя за ним функцию уголовного преследования (обвинения), закон, к сожалению, оставляет без внимания как содержание указанной функции, так и распределение функциональных обязанностей между реализующими ее государственно-властными субъектами – органами расследова-

ния и прокурором. Если для органов расследования законодатель детально регламентирует их функциональные обязанности по осуществлению уголовного преследования, проявляющиеся в установлении и избрании виновных лиц, расследовании и раскрытии преступлений, то для прокурора форма реализации им своей части уголовного преследования не так очевидна, учитывая, что в соответствии с ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор наряду с уголовным преследованием осуществляет также надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования.

Не вносит ясности в разграничение функций прокурора и федеральный закон «О прокуратуре РФ». В соответствии с ч. 2 ст. 1 закона, прокурор осуществляет уголовное преследование в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством. Исходя из этого, трудно дать однозначный ответ, какие полномочия из предусмотренных ч. 2 ст. 37 и другими статьями УПК РФ осуществляются прокурором в целях уголовного преследования, а какие направлены на обеспечение процессуального надзора. При этом основной вопрос с разграничением функций прокурора связан прежде всего с досудебным производством, так как после направления уголовного дела в суд прокурор обладает монополией на осуществление уголовного преследования, которое он реализует в форме поддержания государственного обвинения в суде.

Чтобы разобраться во всем многообразии высказанных мнений и суждений, проанализируем полномочия прокурора, закрепленные за ним в досудебном производстве ч. 2 ст. 37 УПК РФ. Если исходить из законодательной дефиниции уголовного преследования, представленной в п. 55 ст. 5 УПК РФ как процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в целях избличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, то можно констатировать, что ни одно из указанных полномочий не связано напрямую с уголовным преследованием, так как не предусматривает каких-либо поисковых, познавательных или доказательных действий со стороны прокурора, направленных на избличение лиц, совершивших преступное деяние. Зато значительная часть указанных в ч. 2 ст. 37 УПК РФ полномочий прокурора достаточно эффективна для обеспечения законности деятельности органов предварительного расследования.

Согласно толковому словарю С.И. Ожегова, «преследовать» означает «гнаться по следам, пускаться в погоню, стараться догнать и поймать»¹. Аналогичный смысл придается термину «преследование» в уголовном процессе, в рамках которого целью преследования является избличение лица в совершенном преступлении, т. е. установление лица и собирание доказательств, подтверждающих его вину. Такая деятельность осуществляется в форме предварительного расследования, обязательного для всех уголовных дел публичного и частично-публичного обвинения. При этом целью уголовного преследования является получение сведений о лице, совершившем преступление, и формирование

¹ Ожегов С.И. Толковый словарь Ожегова // Академик. Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/180110>.

достаточной доказательственной базы для утверждения о его виновности.

Как только достигнута цель преследования: лицо установлено и изобличено, т. е. собраны достаточные доказательства, свидетельствующие о его причастности к преступлению, то, если рассуждать логически, должно завершаться не только предварительное расследование, но и уголовное преследование. Вместе с тем для российского уголовного судопроизводства, организованного на основе смешанного типа процесса, окончание предварительного расследования не завершает уголовного преследования лица, так как выводы, полученные в ходе расследования, имеют предварительный характер. В судебном производстве прокурор, продолжая уголовное преследование, поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность (ч. 3 ст. 37 УПК РФ).

С учетом сказанного можно выделить два режима осуществления уголовного преследования и два итоговых решения, на основании которых лицо считается изобличенным.

1. Если ориентироваться на положения УПК РФ, регламентирующие окончание предварительного расследования в форме составления обвинительного заключения (ст. 215), обвинительного акта (ст. 225) или обвинительного постановления (ст. 226.7), то следует признать, что уголовное преследование завершается оформлением обвинительного документа дознавателем либо следователем, так как к этому моменту должна быть собрана достаточная доказательственная база для установления лица и обоснованного вывода о совершении им преступления. Утверждая итоги предварительного расследования, прокурор соглашается, что цель уголовного преследования достигнута: виновное лицо установлено, а собранных доказательств достаточно для привлечения лица к уголовной ответственности. При этом прокурор не просто утверждает обвинительный акт органа расследования, а формирует государственное обвинение для судебного разбирательства, на что справедливо указывают авторы [19; 20]. При таком подходе очевидны различия в терминах «уголовное преследование» и «обвинение», обозначенных в ст. 5 УПК РФ: уголовное преследование как деятельность осуществляется и завершается органом расследования, а прокурор проверяет законность уголовного преследования, формирует обвинение и направляет дело в суд.

2. Если изобличение лица рассматривать в контексте принципа презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ), то окончание уголовного преследования совпадает с моментом вступления приговора суда в законную силу, так как обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в установленном порядке. Именно таким путем пошел законодатель, отождествив категории «уголовное преследование» и «уголовное судопроизводство» в отдельных статьях УПК РФ и допустив тем самым многозначность в понятийном аппарате уголовно-процессуального права. На наш взгляд, это ошибочная точка зрения. Уголовное преследование – лишь часть уголовного судопроизводства, направленная на отыскание лица, совершившего преступление, и доказывание его вины. Хотя результаты уголовного преследования, формируемые в ходе предварительного расследования,

имеют предварительный характер, для прокурора они являются достоверными, обоснованными и отражают официальную позицию государства, которую он будет представлять публично в судебном заседании. В противном случае, если представителям стороны обвинения исходить из принципа презумпции невиновности, поддержание государственного обвинения в суде стало бы невозможным.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В своем исследовании мы исходим из первого понимания уголовного преследования, содержание которого составляет две формы процессуальной деятельности: 1) на досудебном производстве уголовное преследование осуществляется органами предварительного расследования в форме предварительного расследования; 2) в судебном производстве уголовное преследование обеспечивается прокурором в форме поддержания государственного обвинения.

Относительно полномочий прокурора на досудебном производстве, указанных в ч. 2 ст. 37 УПК РФ, полагаем возможным взять за основу предложение В.В. Трухачева и У.Н. Ахмедова о размежевании функций прокурора и их расщеплении по частям уголовного судопроизводства: на досудебном производстве прокурор выполняет функцию процессуального надзора за органами предварительного расследования, а в судебном производстве – уголовное преследование в форме поддержания государственного обвинения [21].

Как самостоятельный вид прокурорского надзора, надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, указан в главе 3 федерального закона «О прокуратуре РФ». Предмет надзора составляют права и свободы человека и гражданина, установленный порядок разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, выполнения оперативно-розыскных мероприятий и проведения расследования, а также законность решений органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие. Полномочия прокурора по надзору за органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие, как следует из закона о прокуратуре, устанавливаются уголовно-процессуальным законодательством РФ.

Действительно, в УПК РФ надзор за органами предварительного расследования указан в качестве отдельного направления деятельности прокурора наряду с уголовным преследованием, однако процессуального обособления между направлениями не произошло и многие полномочия прокурора можно отнести как к первой, так и ко второй функции.

Вместе с тем есть ряд полномочий, перечисленных в ч. 2 ст. 37 УПК РФ, которые эффективно используются прокурором в надзорной деятельности за органами предварительного расследования. Так, в соответствии с п. 1, 3, 5.1, 12, 15 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор принимает процессуальные решения о законности либо незаконности совершенных органами расследования действий. Такие полномочия прокурор реализует при проверке решений органов расследования, связанных с началом уголовного производства или с движением уголовных

дел, например, при рассмотрении сообщения о преступлении, приостановлении или прекращении уголовного дела, а также для производства дополнительного расследования. Используя статистические данные, профессор Б.Я. Гаврилов пришел к выводу, что усиление прокурорского надзора за качеством следствия «отразилось с одной стороны в увеличении количества уголовных дел, возвращенных прокурором для производства дополнительного расследования следователями ОВД почти в два раза и следователями СК РФ более чем в четыре раза, что обеспечило значительное снижение количества уголовных дел, возвращенных судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ» [16]. На наш взгляд, такие результаты однозначно свидетельствуют о важности процессуального надзора и его обособленности от функции уголовного преследования, осуществляемой органами предварительного расследования.

Мы специально не рассматриваем различия в объеме процессуальных полномочий прокурора, обусловленные формой расследования – дознанием и предварительным следствием. Полагаем, что правы те авторы, которые предлагают устранить существующее «двойственное положение прокурора, обусловленное разным объемом надзорных полномочий по отношению к органам дознания и органам предварительного следствия» [1, с. 35]. Действительно, в досудебном производстве объем надзорных полномочий прокурора должен быть обусловлен не формой расследования, а необходимостью соблюдения порядка уголовного судопроизводства и защитой прав и свобод участников судопроизводства, прежде всего при производстве предварительного расследования.

В правоприменительной деятельности благодаря указанным полномочиям введены в оборот и используются термины: «надзирающий прокурор», под которым понимается прокурор или его заместитель, осуществляющий процессуальные полномочия в отношении поднадзорного органа расследования; «вышестоящий прокурор», осуществляющий внутриведомственный контроль в отношении нижестоящего прокурора на основании п. 6 ч. 2 ст. 37. Помимо этого, полномочия вышестоящего прокурора обозначены и в других статьях УПК РФ (ч. 1 ст. 66; ч. 2 ст. 317.2; ч. 4 ст. 221 и др.). В своей совокупности они характеризуют вышестоящего прокурора как самостоятельного участника судопроизводства, обладающего государственно-властными полномочиями, статус которого не совпадает со статусом прокурора, действующего на основании ст. 37 УПК РФ. Мы полагаем, что вышестоящий прокурор, являясь руководителем надзирающего прокурора, должен получить свое правовое оформление по аналогии с руководителями органов предварительного расследования. Однако насколько выполняемая им функция является процессуальной, предстоит определить в дальнейших исследованиях.

Говоря об особенностях реализации процессуального надзора на досудебном производстве, хотим обратить внимание еще на один момент. Не все процессуальные полномочия прокурора, которые он осуществляет в досудебном производстве, имеют властный характер. Пример – реализация прокурором полномочий, предусмотренных п. 8 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, по участию в судебных заседаниях при рассмотрении в ходе досудебного производства вопросов о мере пресечения, по

производству следственных или иных процессуальных действий, которые допускаются на основании судебного решения, и т. д. В таких случаях хотя прокурор и выработывает собственное решение по рассматриваемым судом вопросам, однако оно не является решающим для суда и рассматривается наравне с мнением стороны защиты и даже наравне с позицией органа расследования, что, на наш взгляд, алогично. Потеря прокурором властных начал в решении обозначенных вопросов затрудняет его идентификацию в качестве надзирающего субъекта. С другой стороны, очевидно, что участие прокурора в судебном заседании не связано с уголовным преследованием, а направлено прежде всего на соблюдение прав и свобод человека и обеспечение публичных интересов. В этом смысле целесообразно указанные полномочия рассматривать также в рамках функции процессуального надзора.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Проведя анализ процессуальных функций прокурора, можно констатировать, что прокурор, как участник уголовного судопроизводства, отнесенный к стороне обвинения, соответствует своему статусу лишь наполовину, в части поддержания государственного обвинения в судебном производстве. Полномочия, осуществляемые прокурором на досудебном производстве в рамках процессуального надзора за органами предварительного расследования, не связаны с уголовным преследованием и обвинением лиц. Они образуют самостоятельное направление прокурорской деятельности – обеспечение законности при исполнении законов органами дознания и предварительного следствия. Но в таком качестве прокурор в системе участников уголовного судопроизводства не рассматривается, так как другие процессуальные функции, лежащие в основе классификации участников, ему не свойственны. Выявленные различия в функциональной направленности прокурорской деятельности при производстве предварительного расследования свидетельствуют о необходимости пересмотра его процессуального статуса как участника стороны обвинения. Так как решение этого вопроса невозможно в системе действующей градации участников уголовного судопроизводства, полагаем, что настало время для ее критического переосмысления и моделирования новой системы участников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буланова Н.В. Прокурор в уголовном судопроизводстве: пути совершенствования процессуального статуса // Уголовное право. 2017. № 4. С. 33–36. EDN: [YMIIMX](#).
2. Лазарева В.А., Вершинина С.И. О процессуальном статусе должностных лиц органов прокуратуры, участвующих в уголовном судопроизводстве // Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 2. С. 51–59. DOI: [10.15688/lc.jvolsu.2022.2.7](#).
3. Ефанова В.А. Прокурорское уголовное преследование: современное состояние и перспективы развития // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 4. С. 262–272. EDN: [YKHFAG](#).

4. Кукса П.А. О функциях прокурора в уголовном судопроизводстве // Уголовная юстиция. 2021. № 17. С. 54–57. DOI: [10.17223/23088451/17/11](https://doi.org/10.17223/23088451/17/11).
5. Алиев Р.А. Функции и полномочия прокурора в уголовном процессе России // Закон и право. 2021. № 2. С. 104–105. DOI: [10.24412/2073-3313-2021-2-104-105](https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-2-104-105).
6. Анисимов Г.Г. Проблемы реализации прокурором функции уголовного преследования // Законность. 2019. № 9. С. 15–18. EDN: [GBYGYN](https://elibrary.ru/GBYGYN).
7. Кругликов А.П., Бирюкова И.А. Процессуальное руководство прокурором уголовным преследованием от имени государства – принцип уголовного судопроизводства // Законность. 2019. № 2. С. 38–42. EDN: [SZSHRX](https://elibrary.ru/SZSHRX).
8. Володина Л.М. Назначение, функции и задачи уголовного судопроизводства // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 2-2. С. 14–18. DOI: [10.14258/izvasu\(2015\)2.2-02](https://doi.org/10.14258/izvasu(2015)2.2-02).
9. Фадеев П.В. Теоретические основы правовой помощи участникам уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2014. 278 с.
10. Камчатов К.В., Тимошенко А.А. Деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве: оценка эффективности // Российская юстиция. 2017. № 11. С. 29–33. EDN: [ZOLUAH](https://elibrary.ru/ZOLUAH).
11. Татьяна Л.Г. Виды деятельности прокурора в уголовном процессе России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 3. С. 30–33. EDN: [QHXNQT](https://elibrary.ru/QHXNQT).
12. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М.: ИНФРА-М, 2013. 192 с.
13. Дерисhev Ю.В. Уголовное досудебное производство: проблемы и пути реформирования // Уголовное право. 2005. № 1. С. 81–83. EDN: [STMQBD](https://elibrary.ru/STMQBD).
14. Лазарева В.А. Взаимодействие следователя, руководителя следственного органа и прокурора при возбуждении и осуществлении уголовного преследования // Правовая парадигма. 2021. Т. 20. № 2. С. 41–48. DOI: [10.15688/le.jvolsu.2021.2.6](https://doi.org/10.15688/le.jvolsu.2021.2.6).
15. Халиулин А.Г. Уголовно-процессуальное законодательство России о деятельности прокурора // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 3. С. 85–96. EDN: [ZISUVR](https://elibrary.ru/ZISUVR).
16. Гаврилов Б.Я. Прокурор в современном уголовном производстве: позиция ученого и мнение правоприменителя // Российская юстиция. 2020. № 3. С. 33–39. EDN: [KULMMT](https://elibrary.ru/KULMMT).
17. Жук О.Д. Соотношение уголовного преследования и прокурорского надзора в досудебных стадиях уголовного процесса // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 12. С. 112–116. EDN: [VMKWRH](https://elibrary.ru/VMKWRH).
18. Спирин А.В. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора на этапе окончания досудебного производства // Законность. 2020. № 1. С. 12–15. EDN: [UNUJNA](https://elibrary.ru/UNUJNA).
19. Ковтун Н.Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 123–137. DOI: [10.12737/jrl.2019.9.10](https://doi.org/10.12737/jrl.2019.9.10).
20. Решетова Н.Ю. Функции прокурора после завершения предварительного расследования и до начала судебного разбирательства уголовного дела // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 5. С. 44–50. EDN: [JMWLMC](https://elibrary.ru/JMWLMC).
21. Трухачев В.В., Ахмедов У.Н. Функции и полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве и их отражение в процессуальном статусе прокурора // Вестник Воронежского института МВД РФ. 2020. № 1. С. 195–202. EDN: [SFYNOH](https://elibrary.ru/SFYNOH).

REFERENCES

1. Bulanova N.V. The prosecutor in criminal legal proceedings: ways of improvement of the procedural status. *Ugolovnoe pravo*, 2017, no. 4, pp. 33–36. EDN: [YMIIMX](https://elibrary.ru/YMIIMX).
2. Lazareva V.A., Vershinina S.I. On the procedural status of officials of the prosecutor's office participating in criminal proceedings. *Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 2, pp. 51–59. DOI: [10.15688/le.jvolsu.2022.2.7](https://doi.org/10.15688/le.jvolsu.2022.2.7).
3. Efanova V.A. Public prosecutor's criminal prosecution: current state and ways to development. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2017, no. 4, pp. 262–272. EDN: [YKHFAQ](https://elibrary.ru/YKHFAQ).
4. Kuxa P.A. On the prosecutor's functions in criminal proceedings. *Ugolovnaya yustitsiya*, 2021, no. 17, pp. 54–57. DOI: [10.17223/23088451/17/11](https://doi.org/10.17223/23088451/17/11).
5. Aliev R.A. The functions and powers of the prosecutor in the criminal process of Russia. *Zakon i pravo*, 2021, no. 2, pp. 104–105. DOI: [10.24412/2073-3313-2021-2-104-105](https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-2-104-105).
6. Anisimov G.G. The problems of exercise of a duty of criminal prosecution by a public prosecutor. *Zakonnost*, 2019, no. 9, pp. 15–18. EDN: [GBYGYN](https://elibrary.ru/GBYGYN).
7. Kruglikov A.P., Biryukova I.A. Procedural management of criminal prosecution by a public prosecutor on behalf of the state - a principle of criminal proceedings. *Zakonnost*, 2019, no. 2, pp. 38–42. EDN: [SZSHRX](https://elibrary.ru/SZSHRX).
8. Volodina L.M. The purpose, functions and tasks of criminal procedure. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 2-2, pp. 14–18. DOI: [10.14258/izvasu\(2015\)2.2-02](https://doi.org/10.14258/izvasu(2015)2.2-02).
9. Fadeev P.V. *Teoreticheskie osnovy pravovoy pomoshchi uchastnikam ugovnogo sudoproizvodstva* [Theoretical foundations of legal assistance to participants of criminal proceedings]. Moscow, YurLitinform Publ., 2014. 278 p.
10. Kamchatov K.V., Timoshenko A.A. The activities of the prosecutor in criminal proceedings: assessment of effectiveness. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2017, no. 11, pp. 29–33. EDN: [ZOLUAH](https://elibrary.ru/ZOLUAH).
11. Tatyana L.G. Activities of the prosecutor in the criminal process of Russia. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2010, no. 3, pp. 30–33. EDN: [QHXNQT](https://elibrary.ru/QHXNQT).
12. Sheyfer S.A. *Dosudebnoe proizvodstvo v Rossii: etapy razvitiya sledstvennoy, sudebnoy i prokurorskoj vlasti* [Pre-trial proceedings in Russia: stages of development of the investigative, judicial and prosecutorial authorities]. Moscow, INFRA-M Publ., 2013. 192 p.
13. Derishev Yu.V. Criminal pre-trial proceedings: Problems and ways of reforming. *Ugolovnoe pravo*, 2005, no. 1, pp. 81–83. EDN: [STMQBD](https://elibrary.ru/STMQBD).

14. Lazareva V.A. The interaction of the investigator, the head of the investigative body and the prosecutor in the initiation and implementation of criminal prosecution. *Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 2, pp. 41–48. DOI: [10.15688/jc.jvolsu.2021.2.6](https://doi.org/10.15688/jc.jvolsu.2021.2.6).
15. Khaliulin A.G. The criminal procedure legislation of Russia about the prosecutor's activities. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, 2017, no. 3, pp. 85–96. EDN: [ZISUVR](https://www.edn.ru/ZISUVR).
16. Gavrilov B.Ya. Prosecutor in modern criminal proceedings: the position of the scientist and the opinion of the law enforcement officer. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2020, no. 3, pp. 33–39. EDN: [KULMMT](https://www.edn.ru/KULMMT).
17. Zhuk O.D. The ratio of correlation prosecution and prosecutorial supervision in pre-trial stages of criminal process. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2015, no. 12, pp. 112–116. EDN: [VMKWRH](https://www.edn.ru/VMKWRH).
18. Spirin A.V. Criminal procedural activities of a public prosecutor at the stage of completion of pre-trial proceedings. *Zakonnost*, 2020, no. 1, pp. 12–15. EDN: [UNUJNA](https://www.edn.ru/UNUJNA).
19. Kovtun N.N. Formation of public prosecution as an independent stage of criminal proceedings in Russia. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2019, no. 9, pp. 123–137. DOI: [10.12737/jrl.2019.9.10](https://doi.org/10.12737/jrl.2019.9.10).
20. Reshetova N.Yu. Functions of the prosecutor after the completion of the preliminary investigation and before the start of the trial of a criminal case. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii*, 2020, no. 5, pp. 44–50. EDN: [JMWLMC](https://www.edn.ru/JMWLMC).
21. Trukhachev V.V., Akhmedov U.N. Functions and the prosecutors powers in criminal proceedings and their reflection in the procedural status of the prosecutor. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD RF*, 2020, no. 1, pp. 195–202. EDN: [SFYNOH](https://www.edn.ru/SFYNOH).

Concerning the criminal procedural functions of a prosecutor

© 2022

Kristina A. Zaburdaeva, senior lecturer of chair “Criminal Law and Procedure”

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

E-mail: kris.alexandrovna1992@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8770-1173>

Abstract: The paper presents a critical overview of a prosecutor's status in the criminal procedure with regard to the criminal procedural functions assigned to him in part 1 of Art. 37 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure. The relevance of the study is caused by the absence in the law of a definite indication of tasks and objectives entrusted on a prosecutor during the pre-trial and trial procedure at his simultaneous attributing to the prosecution, the goal of which is to ensure criminal proceedings. The contradictions and gaps in the enshrining prosecutor's functions and authorities in the law led to the uncertainty of the prosecutor's procedural status, which is the most dually manifested within the pre-trial proceedings, when, a prosecutor as a prosecution party, on the one hand, implements the criminal prosecution function, and, on the other hand, carries out the function of procedural oversight over the preliminary investigation bodies. After the semantic analysis of the term of “criminal prosecution”, having analyzed the ideas, opinions, and proposals presented in the criminal procedural science, as well as taking into account the logics of the law manifested at the regulation of the powers of the bodies of preliminary investigation into criminal prosecution, the author justifies the necessity of statutory division of the prosecutor's functions and delimitation of borders for their implementation taking into account the criminal procedure parts. In the pre-trial proceedings, the prosecutor should be assigned only the procedural oversight function, and in the judicial proceedings – the criminal prosecution function. As a result, the main goal of the prosecutor during the pre-trial proceedings is to ensure the lawfulness when the preliminary investigation bodies implement their procedural authorities, and during trial proceedings – to carry out criminal prosecution in the name of the Russian Federation.

Keywords: prosecutor; prosecutor's procedural functions; criminal prosecution; procedural oversight; prosecution; higher-level prosecutor; supervising prosecutor; Article 37 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure.

For citation: Zaburdaeva K.A. Concerning the criminal procedural functions of a prosecutor. *Vektor nauki Tolyatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2022, no. 3, pp. 5–10. DOI: [10.18323/2220-7457-2022-3-5-10](https://doi.org/10.18323/2220-7457-2022-3-5-10).

О проблеме понимания справедливости как юридической категории

© 2022

Иванов Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Конституционное и административное право»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

E-mail: A.Ivanov18@tltu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6171-7214>

Аннотация: В общественном сознании справедливость деятельности представителей государства часто рассматривается как необходимое условие легитимности их деятельности. Подобного рода обстоятельство обуславливает необходимость определения понятия справедливости и включения данного понятия в язык юридических документов. В настоящее время однозначное понимание категории «справедливость» в отечественной юриспруденции и правоприменении еще не сформировано, что обуславливает необходимость проведения соответствующих исследований в обозначенной области. В работе на основе анализа литературы, законодательства и судебной практики формулируется авторское понятие справедливости в праве, делается вывод о необходимости формализации и институционализации данного понятия, отделения юридической категории «справедливость» от одноименных категорий, разработанных в иных социально-гуманитарных науках. Было установлено, что в Российской Федерации требование обеспечения справедливости в деятельности государственных органов и должностных лиц часто включается непосредственно в содержание действующих законов и фактически приобрело конституционный характер. При этом использование данного термина в Конституции Российской Федерации нельзя признать последовательным, а справедливость в целом имеет многозначный характер. Проанализировано содержание и соотношение данного понятия с иными юридическими категориями, в частности с требованиями законности. Исследование позволяет говорить о необходимости наличия юридической категории справедливости, не совпадающей с пониманием данного понятия в иных областях научного знания. Исследование конституционного содержания требований справедливости проводилось на основе анализа практики Конституционного Суда Российской Федерации, единственного органа, уполномоченного давать официальное толкование содержащихся в Конституции Российской Федерации положений. Делается вывод, что раскрыть юридическое содержание понятия справедливости возможно через требования обеспечения в деятельности государственных органов истинности, соразмерности и беспристрастности в их совокупности.

Ключевые слова: беспристрастность; Конституция; правовые принципы; равенство; истинность; соразмерность; справедливость; юридические категории.

Для цитирования: Иванов А.А. О проблеме понимания справедливости как юридической категории // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2022. № 3. С. 11–17. DOI: 10.18323/2220-7457-2022-3-11-17.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема формулирования понятия справедливости носит общегуманитарный характер. В настоящее время еще не удалось сформировать сколько-нибудь общепотребительного определения данного явления, а содержание понятия справедливости в работах различных авторов имеет значительные отличия. Представляется, однако, что в рамках правотворчества и правоприменения существует необходимость в разработке единого и общепотребительного определения данного термина, который довольно часто используется и в тексте нормативных актов, и в формулировке судебных решений, что проистекает из наличия у права такого атрибута, как его формальная определенность.

Проблема юридической справедливости активно анализировалась еще в советское время. В фундаментальных работах этого периода рассматривались проблематика понятия и структуры социальной справедливости и ее критериев, вопросы обеспечения справедливости в социалистическом обществе и при коммунизме [1]. Анализировались советскими учеными и немарксистские учения о справедливости в этике и правоведе-нии, проблемы реализации требований справедливости

в процессах правотворчества и правоприменения [2]. При этом еще в царский период развития отечественной юриспруденции некоторые юристы активно возражали против укоренившегося в это время нормативистского подхода к правопониманию. Так, указывалось, что управление общественной жизнью должно быть основано не только на законе, но и на идеале, к которому относили представления об этике и справедливости [3]. Категория «справедливость» очень часто становится предметом рассмотрения в юридических исследованиях, например, в качестве цели деятельности различных звеньев государственного аппарата Российской Федерации: прокуратуры [4], уполномоченного по правам человека [5] и т. д. Иногда авторы несколько смещают акценты и говорят о справедливости не как о цели деятельности государственного органа, а как об общем требовании к деятельности государственных органов и их должностных лиц [6].

Довольно часты классические научные дискуссии о роли концепции справедливости с точки зрения таких концепций правопонимания, как естественно-правовая и нормативистская концепции [7]. Авторами, анализирующими справедливость в качестве категории юриспруденции, проводится дифференциация данной категории

с иными правовыми категориями, такими как законность, целесообразность, гуманизм и иные [8]. В работе [9] проводится разделение между категориями равенства и справедливости. В согласии с подобной точкой зрения находятся и иные исследования, так, в работе [10] справедливость рассматривается как принцип, элементами которого являются равенство, дифференциация и индивидуализация.

Во многих современных работах показано, что, стремясь обеспечить справедливость права и правоприменения, необходимо обращать внимание на содержание законов, нравственную природу законности. Справедливость рассматривается в качестве идеологической основы формирования и поддержания законности. При этом справедливость невозможна без поддержки законности и не должна выходить за ее рамки [11]. Большое внимание в науке уделяется рассмотрению проявления принципа справедливости в различных институтах права, в качестве которых выделяется, например, институт юридической ответственности [12; 13].

Цель исследования – анализ отечественных нормативно-правовых актов и судебной практики, закрепляющих требование обеспечения справедливости с выделением положений, которые в своей совокупности определяют на конституционном и законодательном уровне содержание требований, проистекающих из данной юридической категории.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В процессе проведения настоящего исследования были исследованы особенности использования термина «справедливость» в действующих нормативно-правовых и судебных актах Российской Федерации. Проанализировано содержание понятий «справедливость» и «принцип справедливости». Рассмотрение особенностей применения категории «справедливость» в тексте правовых актов позволило наметить подходы к институционализации и усилению формализации данного понятия. В процессе изучения данного вопроса обнаружены закономерности употребления термина «справедливость» в отечественной юриспруденции. Анализировалась взаимосвязь между законодательством и судебной практикой в отношении закрепления понятия «справедливость» в российской юриспруденции.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Категория «справедливость» в юридическом дискурсе

В соответствии с распространенной в юридической науке точкой зрения справедливость является категорией оценочной и зависит от конкретных условий жизни общества. В данном случае происходит смешение общесоциальной (зависящей от развития морально-нравственных ценностей в конкретном обществе) и юридической (закрепленной в законодательстве) категорий справедливости. Однако исследователи могут сделать вывод, в соответствии с которым бывшие ранее справедливыми законы в изменившихся условиях могут утрачивать со временем качество справедливости и боль-

ше не должны соблюдаться. В начале 1990-х годов в российской юриспруденции была разработана концепция «правозаконности», которая, в отличие от «обычной» законности, предполагала неукоснительное приведение в жизнь не любого, а лишь справедливого закона [14]. В юридической науке на базе подобного правовопонимания распространенными стали высказывания, в соответствии с которыми необходимо отказаться от формального следования законодательным предписаниям [15]. Проводимые в настоящее время исследования показали, что российские судьи часто понимают закон в его расширительном толковании, а именно в сочетании с моралью, совестью [16].

Представляется, что изменить ситуацию в данном случае способно конституционное регулирование соответствующей сферы общественных отношений [17]. В качестве морального императива справедливость выступает нравственным критерием правотворческой деятельности и средством придания ценности нормам права. Необходимо выделить исключительно правовые аспекты справедливости, поскольку юридическая наука нужна обществу именно как юридическая наука, в противном случае она может утратить всякое общественное значение. В тех случаях, когда при анализе юридических категорий используется материал, наработанный в иных областях научного знания, таких, например, как философия, политология, этика, педагогика, предмет юриспруденции способен раствориться в предметах иных наук [18].

Рассмотрение проблемы применения естественно-правового подхода в отношении категории справедливости представляет важность в том плане, что, хотя он непосредственным образом в настоящее время и не применяется, он серьезным образом влияет на формирование мировоззрения общества [19].

Вторым подходом в юриспруденции является дифференциация идей права и справедливости с точки зрения позитивизма. В соответствии с работами нормативистов¹ право отделено от справедливости как категории нравственной, а не правовой, действительность права не зависит от его соотношения со справедливостью. Справедливость и право «находятся в разных плоскостях», в связи с чем у сторонников подобного рода концепции задача сделать законы справедливыми просто снимается.

Синтез этих концепций позволяет сформулировать вывод, в соответствии с которым требования справедливости действительно должны пронизывать всю правовую систему и все процессы правоприменения, но это должна быть справедливость юридическая, требования которой зафиксированы в конституционном и федеральном законодательстве, подтверждены практикой Конституционного Суда РФ и не могут вызвать разночтений в плане их практической реализации.

Синтез нравственной идеи и правового метода справедливости воплощается в режиме социальной

¹ *Нормы справедливости // Чистое учение о праве Ганса Кельзена: сборник переводов. Вып. 2. М.: ИНИОН РАН, 1988. С. 156.*

Хёффе О. Политика, право, справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М.: Гнозис, 1994. 319 с.

справедливости, справедливость рассматривается в отношении наказания, процессуального акта или субъекта процессуальной деятельности [20], а справедливость в данном случае с глубокой древности выражается, прежде всего, в распределении государством между своими согражданами ресурсов разного рода и восстановления нарушенных общественных отношений в интересах социальной справедливости. Иногда отмечается, что «какого-либо другого всеобщего регулятивного принципа, кроме правового, справедливость не имеет» [Цит. по: 21, с. 13]. Однако использование термина «справедливость» в различных законодательных актах в настоящее время лишено необходимой обоснованности, что придает данному словупотреблению декларативный характер. Представляется, что необходимо единообразие в применении столь важного правового понятия, что обуславливает необходимость его «очистки» от разного рода философских и этических атрибутов, наличие которых не является свойственным такому социальному регулятору, в качестве которого выступает юриспруденция.

Использование термина «справедливость» в российском законодательстве

Термин «справедливость» довольно часто употребляется в отечественном законодательстве, но существующие попытки законодательного раскрытия требований справедливости в настоящее время в целом представляются неудачными. Так, в Конституции Российской Федерации данный термин употребляется только дважды, что представляется явно недостаточным исходя из места, которое концепция справедливости занимает в культуре российского общества. Во-первых, о справедливости говорится в преамбуле Основного закона, в соответствии с которой при принятии данного акта учитывалась память о предыдущих поколениях, передавших нынешнему поколению веру в добро и справедливость; во-вторых, о справедливости сказано в статье 75 Конституции РФ, в соответствии с которой справедливость представляет собой принцип формирования пенсионной системы Российской Федерации. Представляется, что речь в данном случае может идти о равенстве прав всех получателей пенсионного обеспечения и зависимости размера подобного обеспечения от личного трудового вклада каждого получателя в жизнь общества (трудовые пенсии по старости) или необходимости несения им дополнительных расходов при отсутствии возможности трудиться (пенсии по инвалидности). При этом недоумение вызывает отсутствие в Конституции РФ упоминания о принципе справедливости в отношении всех иных получателей государственных услуг, вынужденных взаимодействовать в связи с этим с государственными органами и их должностными лицами. Подобного рода умолчание можно связать с отсутствием в настоящее время точного определения рассматриваемой категории, что сдерживает законодателя от включения упоминания данного требования в тексте правовых норм, характеризующихся высшей юридической силой.

В настоящее время даже в тексте одного и того же нормативно-правового акта может отсутствовать единство в употребляемой законодателем терминологии, связанной с пониманием содержания и статуса юриди-

ческой категории справедливости. Во-первых, справедливость в схожих случаях определяется или как правовой принцип, или как законодательное требование, во-вторых, различен состав принципов, «сопутствующих» справедливости и ее дополняющих: они включают в свой состав в разных случаях законность, равенство, разумность, добросовестность, соразмерность, недопустимость извлечения недобросовестной выгоды. Подобного рода ненадлежащее качество законодательной юридической техники свидетельствует об отсутствии единых представлений, связанных с содержанием требований справедливости в условиях обеспечения юридического регулирования общественных отношений.

Формулирование юридического понятия справедливости на основе практики Конституционного Суда Российской Федерации

Для выявления аспектов, которые вкладываются в содержание категории «справедливость» с точки зрения ее непосредственного претворения в жизнь в процессе применения правовых норм, перейдем к рассмотрению практики Конституционного Суда Российской Федерации, как органа конституционного правосудия. В соответствии с Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» данный суд рассматривается как высший судебный орган конституционного контроля в Российской Федерации, осуществляющий судебную власть самостоятельно и независимо посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя. Акты Конституционного Суда РФ должны выноситься в точном соответствии с духом и буквой отечественной Конституции, в связи с чем особый интерес представляют ссылки на требования справедливости, часто осуществляемые данным органом. Проведенный анализ существующих судебных решений Конституционного Суда РФ позволяет говорить о следующих аспектах юридической категории справедливости.

Во-первых, в качестве требования справедливости можно выделить истинность, правдивость принимаемых решений, то есть соответствие их фактическим обстоятельствам дела. Это в полном смысле этого слова отвечает взглядам общества на справедливость и соответствует построению русского языка, в котором слово «справедливость» созвучно слову «правда». Если в современных исследованиях часто в качестве полярных категорий юриспруденции рассматриваются законность и справедливость, то с точки зрения национальной культуры в качестве подобного противопоставления рассматривалось противоречие между правдой и законом².

Говорится об истинности как критерии справедливости и в решениях высшей судебной инстанции. Так, например, Конституционным Судом РФ было отмечено, что ошибочное судебное решение не может рассматриваться как справедливый акт правосудия; судебная ошибка во всяком случае должна расцениваться как нарушение части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, и в соответствии с ее статьей 18 подлежит

² Даль В.И. *Пословицы русского народа*. М.: Альфа-книга, 2020. 814 с.

устранению в судебном порядке. О достижении объективной истины как критерии справедливости в деятельности суда говорится в Определении Конституционного Суда РФ от 14 января 2016 г. № 15-О «По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности положений статьи 252, части первой статьи 389.13, части третьей статьи 389.20 и части первой статьи 389.24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Об исправлении судебных ошибок в порядке обжалования как требовании справедливости правосудия говорится в Постановлении Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П. Истинность решений, принимаемых правоприменителем, возможно будет обеспечить только при учете всей доступной информации, касающейся конкретной разбираемой ситуации. О необходимости анализировать имеющуюся информацию в полном объеме также говорится в решениях высшего органа конституционного контроля. В соответствии с Постановлением от 14 февраля 2000 г. № 2-П справедливость судебного разбирательства ставится в зависимость от эффективности реализации права осужденного на заявление отводов и ходатайств, ознакомление с позициями участников процесса и материалами дела. В Определении от 8 июля 2004 г. № 237-О Конституционный Суд РФ указал, что реализация права на справедливое судебное разбирательство невозможна, если суд не выслушал и не оценил по существу все аргументы, представленные в ходе судебного процесса его участниками со стороны обвинения и защиты, и не обеспечил им равные процессуальные права. Оценка конкретных обстоятельств должна быть произведена на основе закона и в соответствии с установленной в законе процедурой. Как было отмечено в Определении от 14 января 2016 г. № 96-О, для обеспечения справедливого разрешения дела мотивировка решения должна основываться на конкретных обстоятельствах, подтверждающих необходимость его принятия, а также на нормах материального и процессуального права.

Во-вторых, в качестве требования справедливости при буквальном толковании существующей судебной практики необходимо будет выделить требование равенства: об этом часто говорится в решениях Конституционного Суда РФ. Так, в Определении от 5 ноября 2004 г. № 345-О было отмечено, что одной из гарантий справедливого разбирательства дела является равно обеспечиваемая обвиняемому и потерпевшему возможность представлять доказательства, заявлять ходатайства, знакомиться со всеми материалами дела; лишение потерпевшего возможности участвовать в судебных прениях не является справедливым. В Определении от 12 мая 2016 г. № 1002-О Конституционный Суд РФ сослался на часть 2 статьи 123 Конституции РФ, согласно которой личное участие обвиняемого в судебном разбирательстве является элементом механизма обеспечения его права на справедливую судебную защиту на основе состязательности и равноправия сторон. В соответствии с Постановлением от 7 марта 2017 г. № 5-П, в целях соблюдения принципов состязательности и равноправия сторон судопроизводства и справедливого судебного разбирательства, последствия прекращения уголовного дела должны быть обвиняемому предварительно разъяснены. Отметим в дан-

ном случае, что настоящее, а не формальное равенство невозможно только в тех случаях, когда права и обязанности субъектов уравниваются механическим образом. Для того чтобы принятое решение было справедливым, правоприменителю необходимо учитывать изначально имеющееся неравенство возможностей субъектов, в связи с чем к обязанностям государства относятся, например, перераспределение обязанностей доказывания для достижения справедливости в рамках процесса. В Постановлении от 11 мая 2005 г. № 5-П отмечена необходимость сохранять справедливый баланс между интересами подсудимого лица и необходимостью гарантировать эффективность системы уголовного правосудия. Проблема, однако, в данном случае заключается в том, что термин «равенство» довольно часто употребляется в законодательстве и судебной практике наравне или без привязки к термину «справедливость», а механическое равенство может означать фактическое неравенство субъектов, что обусловит невозможность справедливого разрешения дела. В связи с этим считаем необходимым в качестве второго требования справедливости предложить термин не «равенство», а «соразмерность», что более полным образом отвечает пониманию справедливости законодателем и в публичных, и в частных отраслях права.

В-третьих, в качестве последнего требования справедливости необходимо выделить требование беспристрастности, которое обращено как к законодателю, так и к правоприменителю. Подход к справедливости как к беспристрастности является достаточно традиционным. Так, например, как это отмечено в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова, под справедливостью следует понимать, прежде всего, беспристрастие³, согласна с подобного рода позиций и судебная практика. Например, в соответствии с Постановлением Конституционного Суда РФ от 6 апреля 2006 г. № 3-П отбор присяжных заседателей из граждан, не включающих в свой состав граждан, постоянно проживающих на территории субъекта РФ, создал бы опасность произвольного формирования их коллегии и не обеспечивал бы справедливое разбирательство дела беспристрастным судом.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Выявлено, что одной из существующих в настоящее время проблем в обеспечении справедливости является обнаружение надлежущего с точки зрения общества соотношения деятельности государственного аппарата с представлениями общества о справедливости установленного порядка общественной жизни. Сделан вывод о возможности раскрыть юридическое понятие справедливости через такие его атрибуты, как истинность, соразмерность и беспристрастность, взятые в их совокупности. Справедливость, рассматриваемая с точки зрения требования соразмерности, предполагает обращение к внешнему выражению соответствующих общественных отношений – определению наказания в отношении субъектов, совершивших правонарушение, распределению бремени убытков, понесенных контрагентами и др. Анализ отечественного законодательства

³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1993. 907 с. С. 784.

и юридической практики показывает, что только совместный учет требований истинности, беспристрастности и соразмерности в ряде случаев способен обеспечить истинную справедливость. Считаю необходимым рассматривать справедливость в нашем государстве в качестве категории конституционного права. При этом, отталкиваясь от текста действующей Конституции РФ, необходимо отметить, что в качестве высшего должностного лица, призванного гарантировать ее исполнение, был обозначен Президент Российской Федерации. Логичным образом будет предположить, что задача контроля за справедливостью основанного на Конституции РФ функционирования государственного аппарата также может быть возложена на главу государства.

Предложено добавить следующий пункт в статью 80 Конституции Российской Федерации: «Президент Российской Федерации является гарантом справедливости деятельности государственного аппарата Российской Федерации, то есть такой его деятельности, которая основана на требованиях истинности, соразмерности и беспристрастности».

Установлено, что юридическая категория справедливости может рассматриваться в качестве интегративной категории принципа права, подразумевающего следующую триаду требований: требование истинности принимаемых решений, требование соразмерности и требование беспристрастности. Отметим, что приведенные требования принципа справедливости обращены как к законодателю, так и к правоприменителю. Так, истинность в деятельности законодателя будет предполагать при разработке закона учет всех имеющихся данных, касающихся особенностей соответствующей сферы общественных отношений, а истинность в деятельности правоприменителя будет предполагать принятие решений только на основе необходимого объема имеющейся по конкретному делу информации. Соразмерность в деятельности законодателя предполагает учет особенностей конкретных субъектов, к которым данный закон обращен, и особенностей конкретных жизненных ситуаций, на регулирование которых он направлен. Требование соразмерности, обращенное к правоприменителю, предполагает, например, назначение наказания с учетом общественной опасности посягательства и личности виновного (в публичных отраслях права), или распределения убытков среди пострадавших с учетом степени их вины (в частных отраслях права). Требование беспристрастности, обращенное к законотворцу, обязывает его воздерживаться от лоббирования узкогрупповых интересов при осуществлении правотворческой деятельности, служит гарантией отсутствия в его деятельности коррупционного аспекта. В деятельности правоприменителя беспристрастность предполагает принятие им решений в точном соответствии с требованиями нормативных актов, не проявляя симпатий или антипатий к тем субъектам, на которых направлены его действия. Беспристрастность предполагает действия правоприменителя, основанные на строгом соблюдении закона, что сближает данное требование с требованиями принципа законности.

ВЫВОДЫ

Справедливость следует рассматривать в качестве категории, имеющей многозначный, в том числе юридический характер. Требования справедливости применения разного рода социальных регуляторов общественных отношений являются несовпадающими. Справедливость как юридическая категория является понятием интегративным и включает в свой состав триаду требований истинности, соразмерности и беспристрастности. Данные требования обращены как к законодателю, так и к правоприменителю, в связи с чем они приобретают конституционный характер.

Российскому законодателю необходимо сформулировать легальное определение справедливости, которое следует включить в текст Конституции Российской Федерации. Создание и укрепление конституционного института справедливости в Российской Федерации позволит решить классическую научную проблему, в рамках которой обсуждается противоречие между законностью и справедливостью. Требования законности и справедливости равным образом проистекают из природы отечественной правовой системы; они не противоречат, а взаимно дополняют друг друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мальцев Г.В. Социальная справедливость и право. М.: Мысль, 1977. 255 с.
2. Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. Л.: ЛГУ, 1980. 120 с.
3. Орландо В. Э. Принципы конституционного права. М.: В. М. Саблин, 1907. 299 с.
4. Смирнов А.В. 300 лет на страже справедливости (становление и развитие института прокурорской службы) // Законность. 2021. № 1. С. 3–9. EDN: [YCZZJB](#).
5. Чечельницкий И.В. Институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в контексте запроса общества на социальную справедливость // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 4. С. 54–63. DOI: [10.17803/2311-5998.2021.80.4.054-063](#).
6. Юлгушева Л.Ш. Анализ справедливости налогообложения доходов физических лиц в Российской Федерации // Lex russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 3. С. 82–94. DOI: [10.17803/17295920.2021.172.3.082-094](#).
7. Луковская Д.И., Малышева Н.И., Строгов Н.Д. Г. Кельзен о естественном праве и справедливости: аргумент о праве на сопротивление // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 198–206. DOI: [10.17803/2311-5998.2021.81.5.198-206](#).
8. Хвостова А.В. Проблема соотношения законности с категориями справедливости, целесообразности и правомерности в правоприменительной деятельности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 3. С. 408–414. DOI: [10.37973/KUI.2021.54.12.020](#).
9. Данчевская А.В. Равенство не равно справедливости: к вопросу о противостоянии в защите прав женщин и мужчин // Актуальные проблемы российского

- права. 2022. Т. 17. № 5. С. 91–102. DOI: [10.17803/1994-1471.2022.138.5.091-102](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.138.5.091-102).
10. Шерстнева А.В. Право и социальная справедливость (конституционно-правовой аспект) // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2021. № 2. С. 5–10. DOI: [10.34076/22196838_2021_2_5](https://doi.org/10.34076/22196838_2021_2_5).
  11. Галиев М.С. К вопросу о взаимосвязи права на защиту с общеправовыми принципами права // Право и государство: теория и практика. 2018. № 2. С. 10–14. EDN: [YBTDJB](https://elibrary.ru/ybtdjb).
  12. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб.: Пресс, 2007. 934 с.
  13. Липинский Д.А., Малько А.В., Мусаткина А.А., Маркунин Р.С., Макарейко Н.В., Кузьмин И.А., Станкин А.Н., Чуклова Е.В. Юридическая ответственность в правовой системе России: нормативные и правореализационные проблемы взаимосвязей, взаимодействия и противоречий. М.: РИОР, 2020. 658 с.
  14. Алексеев С.С. Философия права. М.: Норма, 1998. 337 с.
  15. Белоносов В.О., Колесников Е.В. Принцип законности при производстве по уголовному делу и его интерпретация Конституционным Судом РФ // Журнал российского права. 2004. № 5. С. 51–57.
  16. Федорова Т.В. Применима ли «Формула Радбруха» в административном правосудии? // Гражданин и право. 2022. № 3. С. 69–82. EDN: [MBEFGC](https://elibrary.ru/mbefgc).
  17. Чиркин В.Е. Принцип социальной справедливости в конституционном измерении // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 39–43. EDN: [RPCNUH](https://elibrary.ru/rpcnuh).
  18. Боброва Н.А. Общетеоретический и межотраслевой аспекты юридической ответственности. М.: Юрлитинформ, 2019. 544 с.
  19. Маркин А.В. Логика юридической ответственности. М.: Nota Bene, 2010. 218 с.
  20. Вовк Е.В. Конкретизация идеи справедливости в уголовном законодательстве и правосудии: концептуальные и технико-юридические аспекты // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16. № 2. С. 204–226. DOI: [10.35427/2073-4522-2021-16-2-vovk](https://doi.org/10.35427/2073-4522-2021-16-2-vovk).
  21. Персесянц В.С. Право. Свобода. Демократия. (Материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 3–21.
  5. Chechel'nitskiy I.V. Institute of the high commissioner for human rights in the Russian Federation in the context of public request for social justice. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*, 2021, no. 4, pp. 54–63. DOI: [10.17803/2311-5998.2021.80.4.054-063](https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.80.4.054-063).
  6. Yul'gusheva L.Sh. Analysis of fairness of personal income taxation in the Russian Federation. *Lex russica (Russkiy zakon)*, 2021, vol. 74, no. 3, pp. 82–94. DOI: [10.17803/17295920.2021.172.3.082-094](https://doi.org/10.17803/17295920.2021.172.3.082-094).
  7. Lukovskaya D.I., Malysheva N.I., Strogov N.D. G. Kelsen on natural law and justice: an argument on the right to resist. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*, 2021, no. 5, pp. 198–206. DOI: [10.17803/2311-5998.2021.81.5.198-206](https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.81.5.198-206).
  8. Khvostova A.V. The problem of the relationship of legality, justice, expediency and legitimacy in law enforcement. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2021, vol. 12, no. 3, pp. 408–414. DOI: [10.37973/KUI.2021.54.12.020](https://doi.org/10.37973/KUI.2021.54.12.020).
  9. Danchevskaya A.V. Equality is not equal to justice: on the issue of confrontation in the protection of the rights of women and men. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2022, vol. 17, no. 5, pp. 91–102. DOI: [10.17803/1994-1471.2022.138.5.091-102](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.138.5.091-102).
  10. Sherstneva A.V. Law and social justice (a constitutional and legal aspect). *Elektronnoe prilozhenie k Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnal*, 2021, no. 2, pp. 5–10. DOI: [10.34076/22196838_2021_2_5](https://doi.org/10.34076/22196838_2021_2_5).
  11. Galiev M.S. On the relationship of the right to protection from general legal principles right. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2018, no. 2, pp. 10–14. EDN: [YBTDJB](https://elibrary.ru/ybtdjb).
  12. Khachaturov R.L., Lipinskiy D.A. *Obshchaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti* [General theory of legal responsibility]. Sankt Petersburg, Press Publ., 2007. 934 p.
  13. Lipinskiy D.A., Malko A.V., Musatkina A.A., Markunin R.S., Makareyko N.V., Kuzmin I.A., Stankin A.N., Chuklova E.V. *Yuridicheskaya otvetstvennost v pravovoy sisteme Rossii: normativnye i pravorealizatsionnye problemy vzaimosvyazey, vzaimodeystviya i protivorechiy* [Legal responsibility in the legal system of Russia: regulatory and legal implementation problems of relationships, interactions and contradictions]. Moscow, RIOR Publ., 2020. 658 p.
  14. Alekseev S.S. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow, Norma Publ., 1998. 337 p.
  15. Belonosov V.O., Kolesnikov E.V. The principle of legality in criminal proceedings and its interpretation by the Constitutional Court of the Russian Federation. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2004, no. 5, pp. 51–57.
  16. Fedorova T.V. Is “Radbruch's formula” applicable in administrative justice? *Grazhdanin i pravo*, 2022, no. 3, pp. 69–82. EDN: [MBEFGC](https://elibrary.ru/mbefgc).
  17. Chirkin V.E. The principle of social justice in the constitutional dimension. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2013, no. 11, pp. 39–43. EDN: [RPCNUH](https://elibrary.ru/rpcnuh).
  18. Bobrova N.A. *Obshcheteoreticheskiy i mezhotraslevoy aspekty yuridicheskoy otvetstvennosti* [General theoretical and intersectoral aspects of legal responsibility]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 544 p.

REFERENCES

1. Maltsev G.V. *Sotsialnaya spravedlivost i pravo* [Social justice and law]. Moscow, Mysl Publ., 1977. 255 p.
2. Ekimov A.I. *Spravedlivost i sotsialisticheskoe pravo* [Justice and socialist law]. Leningrad, LGU Publ., 1980. 120 p.
3. Orlando V. E. *Printsipy konstitutsionnogo prava* [Principles of constitutional law]. Moscow, V. M. Sablin Publ., 1907. 299 p.
4. Smirnov A.V. 300 years of guarding the justice (formation and development of the institution of prosecution service). *Zakonnost*, 2021, no. 1, pp. 3–9. EDN: [YCZZJB](https://elibrary.ru/yczzjb).

19. Markin A.V. *Logika yuridicheskoy otvetstvennosti* [Logic of legal responsibility]. Moscow, Nota Bene Publ., 2010. 218 p.
20. Vovk E.V. Concretization of the idea of justice in criminal law and justice: conceptual and technical-legal aspects. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*, 2021, vol. 16, no. 2, pp. 204–226. DOI: [10.35427/2073-4522-2021-16-2-vovk](https://doi.org/10.35427/2073-4522-2021-16-2-vovk).
21. Nersesyants V.S. Right. Freedom. Democracy. (Materials of the round table). *Voprosy filosofii*, 1990, no. 6, pp. 3–21.

On the problem of understanding justice as a legal category

© 2022

Aleksandr A. Ivanov, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Chair of Constitutional and Administrative Law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

E-mail: A.Ivanov18@tlttsu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6171-7214>

Abstract: The global and systemic crisis that modern civilization is going through makes it necessary to improve the efficiency of the functioning of both government bodies and legal systems, the activities of these bodies and their regulatory officials. Despite the strict observance of formal legality in the activities of officials, civil society may refuse to trust and support them if such activities are perceived as unfair. In public opinion, the fairness of the activities of representatives of the government, therefore, can be considered as a necessary condition for the legitimacy of their activities. This kind of circumstance necessitates the formalization of the concept of justice and the inclusion of this concept into the language of legal documents. At present, an unambiguous understanding of the category of “justice” in domestic jurisprudence has not yet been formed. The paper presents the author’s concept of justice in law, concludes that it is necessary to formalize and institutionalize this concept, to sort out the legal category of “justice” from the categories of the same name developed in other social and humanitarian sciences. The greatest attention is paid to the applicability of the concept of justice to the intersectoral institution of legal responsibility. It has been established that in the Russian Federation the requirement to ensure fairness in the activities of government bodies and officials has actually acquired a constitutional character. However, the use of this concept in the Constitution of the Russian Federation cannot be recognized as consistent, and justice as a whole has an ambiguous character. The content and correlation of this concept with other legal categories is analyzed. The study allows us to speak about the existence of a legal category of justice, which does not coincide with the understanding of this concept in other areas of scientific knowledge. It is concluded that the changes made to the Constitution of the Russian Federation, as one of their main goals, have an increase in fairness in the organization of public administration. The paper emphasizes the possibility to reveal the legal content of the concept of justice through the requirements to ensure verity, proportionality and impartiality in the activities of the government bodies.

Keywords: impartiality; Constitution; legal principles; equality; verity; proportionality; justice; legal categories.

For citation: Ivanov A.A. On the problem of understanding justice as a legal category. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2022, no. 3, pp. 11–17. DOI: 10.18323/2220-7457-2022-3-11-17.

Подготовка государственного обвинителя к участию в рассмотрении судом дел о занятии высшего положения в преступной иерархии

© 2022

Игнатенко Евгений Александрович^{1,2,3}, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института

Кондратюк Сергей Викторович^{*4}, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс»

*Мычак Татьяна Владимировна*⁵, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс»

¹Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

²Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва (Россия)

*E-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru

³ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0871-2585>

⁴ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7272-5359>

⁵ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1160-8797>

Аннотация: Рассмотрена специфика организации подготовки государственного обвинителя к поддержанию государственного обвинения по делам о занятии высшего положения в преступной иерархии. Выделены особенности поддержания государственного обвинения в суде по делам данной категории. Сформулированы рекомендации по тактике предъявления доказательств в суде. Обобщены научные рекомендации по подготовке государственного обвинителя к судебному разбирательству. Учтена специфика рассмотрения судом дел о занятии высшего положения в преступной иерархии и участия государственного обвинителя в нем. Определено, что тактические особенности представления доказательств государственным обвинителем зависят от состава суда. На основе анализа судебной практики показано, что для достижения оптимального результата государственному обвинителю целесообразно представлять доказательства в порядке, соответствующем последовательности совершения преступления, в случаях, когда дело о занятии лицом высшего положения в преступной иерархии рассматривается профессиональными судьями. Конкретизированы особенности подготовки государственного обвинителя к участию в рассмотрении судом дел о занятии высшего положения в преступной иерархии. Рекомендовано государственному обвинителю представлять доказательства в порядке, соответствующем структуре способа занятия подсудимым высшего положения в преступной иерархии. В случае рассмотрения дел с участием коллегии присяжных заседателей представляется целесообразным производить судебный допрос специалиста-криминолога для разъяснения основных понятий, отображающих способ занятия подсудимым высшего положения в преступной иерархии. Предложено внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство по делам, которые не могут быть рассмотрены судом в составе судьи и коллегии из восьми присяжных заседателей.

Ключевые слова: судебное следствие; судебное разбирательство; государственный обвинитель; преступная иерархия; высшее положение в преступной иерархии; криминальный лидер; криминально ориентированные лица.

Для цитирования: Игнатенко Е.А., Кондратюк С.В., Мычак Т.В. Подготовка государственного обвинителя к участию в рассмотрении судом дел о занятии высшего положения в преступной иерархии // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2022. № 3. С. 18–24. DOI: 10.18323/2220-7457-2022-3-18-24.

ВВЕДЕНИЕ

Эффективность поддержания государственного обвинения в суде зависит от качества подготовки прокурора к судебному разбирательству. В работах и процессуалистов классической школы (М.С. Пороховщиков), и современных ученых (М.А. Шифман, Е.А. Матвиенко, В.И. Басков, В.В. Гаврилов и др.) основное внимание уделяется заключительной речи прокурора. Современная научная мысль подходит к необходимости разработки методик поддержания государственного обвинения по отдельным категориям дел (частных методик поддержания государственного обвинения) [1]. До настоящего времени значительная часть научных исследований была посвящена общим вопросам государственного обвинения [2].

Что касается вопросов подготовки прокурора к поддержанию государственного обвинения, существенных расхождений среди исследователей нет. Так, автор [3] предлагает выделять: 1) особенности изучения материа-

лов уголовного дела; 2) планирование участия в судебном следствии с использованием рекомендаций криминалистической тактики; 3) разработку и реализацию тактики представления доказательств суду с учетом прогнозирования возможного поведения стороны защиты.

Исследователи подчеркивают, что изучение материалов уголовного дела государственным обвинителем представляет собой познавательную деятельность, в процессе которой события и следы, связанные с вменным деянием, воспринимаются не непосредственно, а через познание результатов предварительного следствия. Прокурор видит не первоначальную картину обстоятельств совершения преступления, а то, как эти обстоятельства воспринимал и изложил следователь. В связи с этим в [4] отмечается, что в первую очередь прокурор должен в полной мере овладеть знаниями в области методики расследования преступлений отдельных видов.

Большинство современных ученых предпочитают уделять внимание подготовке к государственному

обвинению по наиболее распространенным составам, например преступлениям против жизни, против собственности [5]. Между тем, хотя сейчас число дел, рассматриваемых по ст. 210¹ УК РФ, сравнительно невелико (за 2021 год – 8, а исходя из конструкции статьи и сущности наказуемого деяния их и не может быть много), характер, степень общественной опасности данного преступления и общественный резонанс [6; 7], которым, как правило, сопровождается рассмотрение таких дел, обуславливают необходимость и актуальность более подробного изучения подготовки к государственному обвинению как основы его эффективного поддержания в суде.

Цель работы – предложение рекомендаций государственному обвинителю по подготовке к судебному рассмотрению дел о занятии высшего положения в преступной иерархии.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объектом исследования стали теоретические разработки в области поддержания государственного обвинения по делам о занятии высшего положения в преступной иерархии, судебная практика по анализируемой группе уголовных дел, отражающая закономерности собирания, исследования, оценки и использования доказательств в процессе поддержания государственного обвинения в суде. Предмет исследования составляют рекомендации по поддержанию государственного обвинения по делам о занятии высшего положения в преступной иерархии.

Последовательность изложения материала предполагает раскрытие следующих смысловых блоков: 1) теоретические основы организации деятельности государственного обвинителя по подготовке к поддержанию государственного обвинения по делам о занятии высшего положения в преступной иерархии; 2) специфика рассмотрения судом дел о занятии высшего положения в преступной иерархии; 3) особенности поддержания государственного обвинения в суде по делам данной категории; 4) научные рекомендации по подготовке государственного обвинителя к судебному разбирательству; 5) иллюстрация примером из судебной практики; 6) рекомендации по оптимизации порядка предъявления доказательств в суде. На каждом из этапов анализировалась научная литература по теме исследования.

Использованы общенаучные методы и методы прокурорской деятельности. Метод анализа документов применен в процессе исследования примера из судебной практики. Формально-логический метод положен в основу разработки практических рекомендаций по оптимизации участия государственного обвинителя в судебном исследовании доказательств, полученных в процессе предварительного следствия. С применением специального сравнительного метода сформулированы рекомендации организационно-тактического характера, адресованные государственному обвинителю, участвующему в производстве отдельных судебных действий. Сформулированные тезисы подтверждены данными судебной практики.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Особенности изучения прокурором материалов уголовного дела

Поддержание прокурором государственного обвинения по делам о занятии высшего положения в преступной иерархии определено спецификой их расследования. Методика расследования дел данной категории обусловлена следующими особенностями способа совершения данного преступления:

– диспозиция ст. 210¹ УК РФ раскрывается посредством традиций и правил криминальной субкультуры: 1) такие преступления обычно совершаются в условиях секретности для всех, помимо членов преступной группы; 2) предполагается следование определенным правилам, что осложняет проведение расследования (в частности, криминальная субкультура закрепляет отказ подозреваемого от сотрудничества с правоохранительными органами, пренебрежение правовыми нормами и т. п.) [8];

– часть свидетелей, как правило, относится к категории «профессиональных». Такие свидетели являются сотрудниками различных служб и ведомств, по долгу службы связанных с обстоятельствами, подлежащими доказыванию;

– другие свидетели допрашиваются в условиях, исключающих визуальный контакт свидетеля с другими участниками судопроизводства (так называемые «засекреченные» свидетели);

– расследование сопровождается проведением различных оперативно-розыскных мероприятий как в отношении обвиняемого, так и в отношении других фигурантов дела с последующим рассекречиванием и включением полученных результатов в доказательственную базу [9; 10].

Некоторые авторы высказывают мнение, что государственному обвинителю необходимо начинать изучение материалов уголовного дела с ознакомления со справкой о результатах предварительного расследования [11]. Другие же исследователи советуют начинать с обвинительного заключения в целом [12]. При этом трудности возникают в процессе уточнения обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делам рассматриваемой категории. Может вызвать затруднения у государственного обвинителя и оценка доказательственного значения установленных следствием фактов [13].

По нашему мнению, с учетом особенностей методики расследования преступлений о занятии высшего положения в преступной иерархии целесообразно начинать изучение материалов дела с вопросов, касающихся понятия преступной иерархии и занятия высшего положения в ней, а также с процедуры приобретения лицом статусного положения в преступном сообществе, закрепленной криминальными традициями и правилами. Если же прокурор, получивший поручение о поддержании государственного обвинения по делу данной категории, не в полной мере осведомлен об особенностях преступной иерархии, ему рекомендуется ознакомиться с заключениями специалистов (экспертов), а также с научной литературой по вопросам криминальной

субкультуры, изучить судебную практику и практику расследования преступлений рассматриваемого вида.

Прокурору рекомендовано ознакомиться и с результатами проведенных по делу оперативно-розыскных мероприятий [14], невзирая на то, что действующее законодательство, а именно п. 2 ст. 11 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», не обязывает предоставлять результаты оперативно-розыскных мероприятий государственному обвинителю [15]. Понятно, что в таком случае данные материалы должны быть рассекречены.

Нельзя обойти вниманием возможность противодействия расследованию по делам рассматриваемой категории. Действительно, признаком лидерства в преступной иерархии называют управление воровской казной (общаком) – коллективной собственностью преступного сообщества. Средства общака статусные лидеры направляют в том числе и на подкуп свидетелей, искажение других доказательств. Поэтому нельзя исключать наличие в материалах дела сфальсифицированных доказательств.

Таким образом, к особенностям изучения прокурором материалов уголовного дела относим затруднения, связанные с: 1) криминологической трактовкой традиций и правил криминальной субкультуры; 2) неочевидным характером способа совершения преступления рассматриваемого вида; 3) необходимостью рассекречивания материалов оперативно-розыскной деятельности (ОРД); 4) противодействием расследованию со стороны заинтересованных лиц, что может повлиять на достоверность собранных по делу доказательств.

Планирование участия государственного обвинителя в судебном следствии

Выбор тех или иных приемов для их использования в судебном следствии зависит от порядка его проведения. Так, дела о занятии высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК РФ) в соответствии со ст. 30–31 УПК РФ рассматриваются судом субъекта или города федерального значения в следующем составе: единолично судьей, коллегией из трех судей, судьей и коллегией из восьми присяжных заседателей.

Обзор судебной практики показывает, что по делам рассматриваемой категории нередко применяется апелляционная форма обжалования судебных решений. Так, например, в апелляционном производстве по приговору суда присяжных нами установлены следующие признаки воздействия на эмоциональную сферу присяжных заседателей¹. Представители стороны защиты допускали выкрики в зале судебного заседания, комментировали доказательства в ходе их рассмотрения присяжными, односторонне трактовали обстоятельства рассматриваемого судом события. Постфактум установлено наличие связи некоторых присяжных с криминальной средой. Все это не могло не сказаться на содержании вынесенного вер-

дикта. По нашему мнению, в данном случае негативное воздействие на присяжных оказали факторы социального характера.

Как отмечают криминологи, сегодня отечественные СМИ формируют в общественном сознании искаженное восприятие такого социального явления, как преступная иерархия. Встречаются материалы, пропагандирующие криминальную субкультуру. Кинопродукция демонстрирует роскошь и праздность криминальных авторитетов. Проявления криминальной субкультуры романтизируются и популяризируются. Тиражируются сообщения о показной благотворительности преступных лидеров. В итоге в общественном сознании снижается ощущение опасности от лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Некоторые представители социума испытывают сочувствие к иерархам преступного мира. Обращаем внимание на недопустимое распространение в произведениях массовой культуры, а также в СМИ искаженных представлений о деятельности преступных сообществ [16].

В связи с изложенным считаем, что рассмотрение дел указанной категории судом в составе судьи и коллегии из восьми присяжных заседателей несет в себе ряд рисков следующего характера. Без достаточно глубоких научных представлений о криминальной субкультуре [17; 18] лицу, не владеющему специальными знаниями, затруднительно сформировать адекватное мнение о виновности или невиновности подсудимого в совершении преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ. Подобная неосведомленность присяжных заседателей, на наш взгляд, может затруднить объективное восприятие ими обстоятельств дела.

Возвращаясь к криминологическому содержанию занятия высшего положения в преступной иерархии. Очевидно, что для верного восприятия судом присяжных обстоятельств данного преступления эффективным может стать назначение судебной криминологической экспертизы по вопросам структуры и признаков преступной иерархии и ее высших ступеней [19].

Предложения и рекомендации

На основании обобщения результатов проведенных исследований можно сформировать следующее предложение на перспективу: внести изменения в п. 2 ч. 2 ст. 30 УПК РФ и указать среди исключений, которые не могут быть рассмотрены судом в составе судьи и коллегии из восьми присяжных заседателей, дела по ст. 210¹ УК РФ.

Рекомендуем государственному обвинителю принять меры, направленные на формирование у присяжных заседателей и других участников судопроизводства научного представления о преступной иерархии и занятия высшего положения в ней.

В процессе подготовки к рассмотрению судом присяжных дела указанной категории государственному обвинителю можно рекомендовать следующее. В соответствии с п. 1 ч. 5 ст. 231 УПК РФ, обвиняемый может заявить ходатайство о рассмотрении его дела судом с участием присяжных заседателей до назначения судебного заседания. Как правило, такое ходатайство заявляется или в ходе ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела (ст. 217 УПК РФ), или в ходе предварительного слушания (гл. 34

¹ Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 23.12.2021 по делу № 55-8242021 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=TKTz9FTS06hhEWrcI&cacheid=11E59CCCF1B07960A4FF7D1F3085CC373&mode=splus&rnd=P8Su3w&base=SOAS&n=28114#02f0AFTW4snDvt8r> (дата обращения: 21.08.2022).

УПК РФ). По нашим наблюдениям, обвиняемый заявляет указанное ходатайство на этапе ознакомления с материалами уголовного дела, поскольку проведение предварительного слушания не является обязательным. Поэтому прокурору рекомендуется отслеживать момент заявления обвиняемым ходатайства о рассмотрении его дела судом присяжных, чтобы незамедлительно воспользоваться возможностью подготовки к судебному заседанию в таком составе.

Так, можно рекомендовать стороне обвинения передавать председателствующему мотивированные письменные ходатайства об отводах кандидатов в присяжные, если отмечено их сочувствие криминально ориентированным лицам либо если такие кандидаты в какой-либо мере разделяют преступную идеологию. Для этого можно задавать таким лицам проверочные вопросы, выявляющие их неуважение к закону либо лояльное отношение к криминальной субкультуре.

Поскольку присяжные заседатели не осведомлены о правилах и обычаях функционирования преступной иерархии, то рекомендуем государственному обвинителю ходатайствовать о привлечении специалиста-криминолога для участия в судебном заседании с целью разъяснения понятий преступной иерархии, высшего положения в ней, процедур присвоения преступного статуса в соответствии с традициями и правилами, закрепленными в криминальной субкультуре [20]. Несомненно, пояснить положения криминальной субкультуры в необходимом объеме может и государственный обвинитель в своей речи. Однако такие сведения могут быть восприняты присяжными как проявление обвинительного уклона в судопроизводстве. Напротив, специалист-криминолог, как лицо, не заинтересованное в исходе дела, те же самые сведения подает в форме независимых суждений.

Разработка предложений по порядку представления доказательств

В соответствии с ч. 1 ст. 247 УПК РФ, порядок исследования государственным обвинителем доказательств остается на его усмотрение. При этом рекомендовано соотносить обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ, с доказательствами, имеющимися в материалах дела. Кроме того, следует иметь в виду, что представление прокурором в суде сведений, не имеющих отношения к предмету доказывания, ослабляет позицию стороны обвинения. И наоборот, позиция обвинения воспринимается судом как обоснованная, если представление государственным обвинителем каждого доказательства сопровождается указанием на то, какому из приведенных в ст. 73 УПК РФ обстоятельств оно соответствует.

Специфика предмета доказывания преступлений по ст. 210¹ УК РФ состоит в том, что событие преступления не описывается в диспозиции статьи, а воспринимается через традиции и правила криминальной субкультуры [21; 22]. Указанную особенность государственному обвинителю следует учитывать в ходе рассмотрения дел о занятии подсудимым высшего положения в преступной иерархии. На основании результатов анализа уголовного закона и соответствующей правоприменительной практики по ст. 210¹ УК РФ отметим, что событие преступления состоит в получении

лицом высшего преступного статуса (вор в законе, половец, смотрящий и др.) и осуществлении обвиняемым ряда организационно-распорядительных функций [23]. Необходимо принимать во внимание случаи, когда обвиняемый приобрел высший преступный статус до момента вступления в действие Федерального закона от 01.04.2019 № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности», однако не прекратил выполнять статусные функции в преступном сообществе. При такой трактовке способа совершения данного преступления государственному обвинителю необходимо будет доказать:

- порядок приобретения подсудимым высшего положения в преступной иерархии;
- факт выполнения лицом статусных функций в преступном сообществе;
- факт того, что если подсудимый приобрел статусное положение в преступной иерархии до даты вступления в действие указанного выше Федерального закона от 01.04.2019 № 46-ФЗ, то он не отказался от выполнения статусных функций.

В соответствии с перечисленными обстоятельствами рекомендуем государственному обвинителю по делам рассматриваемой категории обращать внимание на порядок исследования доказательств в суде.

В научной литературе описано несколько вариантов представления доказательств прокурором. С учетом силы доказательств предлагается представлять сначала прямые доказательства, как самые сильные и убедительные, а затем косвенные [24] или действовать в обратном порядке, т. е. начинать с доказательств незначительной силы. В соответствии с порядком возникновения доказательственной информации рекомендовано представлять доказательства следующим образом.

1. В порядке, соответствующем последовательности действий, составляющих способ совершения преступления. По делам рассматриваемой категории это означает исследование доказательств, содержащих информацию о выдвижении лицом собственной кандидатуры на занятие высшего положения в преступной иерархии. Такие доказательства могут отображать сведения о признании лицом традиций и правил криминальной субкультуры, завоевании авторитета в преступном сообществе, приобретении покровителя из числа статусных лидеров преступного сообщества и т. п. Затем исследуются доказательства организации и проведения воровской сходки, на которой принимается решение по кандидату на занятие высшего положения в преступной иерархии. Наконец, в соответствии со структурой способа совершения данного преступления [25], исследованию подлежат доказательства фактического выполнения лицом лидерских функций.

2. В порядке появления в материалах дела того или иного доказательства. В этом случае исследованию подлежат поводы к возбуждению уголовного дела, затем – сведения о результатах преступной деятельности лица, в конце – доказательства приобретения лицом преступного статуса.

Возможно представление доказательств в порядке перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию, соответственно их закреплению в ст. 73 УПК РФ.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

По нашему мнению, при выборе порядка представления доказательств следует принимать во внимание длящийся характер данного преступления и способ его совершения как последовательность действий – от выдвижения лицом собственной кандидатуры на приобретение искомого статуса до начала выполнения лицом лидерских функций в новом статусе. Полагаем целесообразным государственному обвинителю в суде выстраивать представление доказательств в хронологическом порядке, соответствующем этапам способа совершения преступлений: в первую очередь представлять доказательства получения подсудимым статусного положения в преступном сообществе, затем – доказательства выполнения лицом статусных функций, продолжения занятия высшего положения в преступной иерархии после вступления в действие Федерального закона от 01.04.2019 № 46-ФЗ (если высший лидерский статус был приобретен подсудимым до 12.04.2019). Указанный порядок соответствует логической структуре предмета доказывания, поэтому будет способствовать эффективности поддержания государственного обвинения в ходе судебного следствия.

В случае рассмотрения дела судом с участием присяжных заседателей считаем целесообразным проводить допрос специалиста-криминолога с целью разъяснения суду традиций и правил приобретения лицом высшего положения в преступной иерархии, закрепленных криминальной субкультурой.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Конкретизированы особенности подготовки государственного обвинителя к участию в рассмотрении судом дел о занятии высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК РФ). К ним отнесены: 1) криминологическая трактовка терминов криминальной субкультуры; 2) неочевидный характер способа совершения преступления рассматриваемого вида; 3) необходимость рассекречивания материалов ОРД; 4) противодействие расследованию со стороны заинтересованных лиц.

2. Рекомендовано государственному обвинителю представлять доказательства в порядке, соответствующем этапам способа занятия подсудимым высшего положения в преступной иерархии.

3. В ходе рассмотрения дела судом с участием присяжных заседателей государственному обвинителю рекомендовано ходатайствовать о допросе специалиста-криминолога с целью получения разъяснений о традициях и правилах приобретения высшего положения в преступной иерархии.

4. Предложено внести изменения в п. 2 ч. 2 ст. 30 УПК РФ и указать среди исключений, которые не могут быть рассмотрены в составе судьи и коллегии из восьми присяжных заседателей, дела по ст. 210¹ УК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исаенко В.Н. О структуре методики поддержания государственного обвинения // Криминалистика. 2020. № 4. С. 8–16. EDN: [IHDIZM](#).

2. Хомякова А.В. Вопросы подготовки государственного обвинителя к доказыванию в судебном разбирательстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12. С. 329–332. DOI: [10.23672/SAE.2019.2019.44460](#).
3. Сафронский Г.Э. Об участии государственного обвинителя в судебном следствии // Государственная служба и кадры. 2017. № 3. С. 110–115. EDN: [ZEIKDJ](#).
4. Мазунин Я.М., Мазунин П.Я. Сохранение доказательств, добытых во время предварительного следствия, как одна из задач, решаемых в процессе судебного разбирательства по делам об организованной преступной деятельности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 38. С. 51–61. DOI: [10.17223/22253513/38/6](#).
5. Попаденко Е.В. К вопросу о содержании вступительного заявления защитника в суде с участием присяжных заседателей // Ius Publicum et Privatum. 2018. № 1. С. 65–68. EDN: [YMWUPZ](#).
6. Агапов П.В., Сальников Н.В., Кондратюк С.В. Актуальные вопросы реализации уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3. С. 49–55. EDN: [YPBQHI](#).
7. Меркурьев В.В., Борисов С.В. Обеспечение национальной безопасности от новых вызовов и угроз: меры противодействия и профилактики // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2020. № 5. С. 79–86. EDN: [IHVDY](#).
8. Лебедев Н.Ю., Нидер С.А. К вопросу о характеристике лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии: криминологические и уголовно-процессуальные аспекты // Сибирские уголовно-процессуальные и криминологические чтения. 2021. № 4. С. 60–68. DOI: [10.17150/2411-6122.2021.4.60-68](#).
9. Кондратюк С.В. Доказывание лидерства в преступной иерархии // Вестник Академии права и управления. 2021. № 2. С. 51–57. DOI: [10.47629/2074-9201.2021.2.51.57](#).
10. Ретюнских И.А., Колосович О.С. Особенности производства некоторых следственных действий при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 3. С. 174–180. DOI: [10.25724/VAMVD.WFGH](#).
11. Петрикина А.А., Хабрачо Д.А. Совершенствование деятельности прокурора при поддержании государственного обвинения в суде первой инстанции // Право и практика. 2019. № 1. С. 138–142. EDN: [KTOAPL](#).
12. Иванов А.Н. Организационные аспекты деятельности группы государственных обвинителей // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5. С. 241–245. EDN: [ZSUFNN](#).
13. Моисеев А.М., Панько Н.А. Негативные факторы производства судебных экспертиз // Ex Jure. 2021. № 1. С. 181–193. EDN: [JFCNRB](#).
14. Агарков А.В., Шиков А.А. Оперативно-розыскное документирование деятельности лидеров уголовной среды и членов экстремистской организации «АУЕ» //

- Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16. № 1. С. 77–86. DOI: [10.46741/2686-9764.2022.57.1.008](https://doi.org/10.46741/2686-9764.2022.57.1.008).
15. Корчагин А.А., Кирушина Л.Ю. Особенности подготовки тактики поддержания государственного обвинения по уголовным делам об убийствах // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 6. С. 92–99. DOI: [10.14258/izvasu\(2017\)6-17](https://doi.org/10.14258/izvasu(2017)6-17).
  16. Кондратюк С.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: конкретизация конструктивных признаков // Законность. 2021. № 8. С. 49–53. EDN: [MTHJAK](https://elibrary.ru/mthjak).
  17. Бакаев А.А., Тарасов В.Ю., Шевелева К.В. Обеспечение безопасности несовершеннолетних в виртуальной среде. Уголовно-правовой и криминологический аспект // Закон и право. 2021. № 8. С. 90–94. DOI: [10.24412/2073-3313-2021-8-90-94](https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-8-90-94).
  18. Кашапов Р.М., Якушева Т.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: первые итоги применения ст. 210¹ УК РФ // Уголовное право. 2021. № 12. С. 39–49. DOI: [10.52390/20715870_2021_12_39](https://doi.org/10.52390/20715870_2021_12_39).
  19. Кондратюк С.В. Доказывание лидерства в преступной иерархии // Вестник Академии права и управления. 2021. № 2. С. 51–57. DOI: [10.47629/2074-9201_2021_2_51_57](https://doi.org/10.47629/2074-9201_2021_2_51_57).
  20. Дикарев И.С. Назначение предварительного расследования в уголовном процессе // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 1. С. 75–88. DOI: [10.33184/pravgos-2022.1.5](https://doi.org/10.33184/pravgos-2022.1.5).
  21. Власенко В.В. Проблемы квалификации занятия высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК РФ) // Уголовное право. 2022. № 5. С. 3–12. EDN: [AWPPOV](https://elibrary.ru/awpfov).
  22. Павлова Е.В. Тактика представления доказательств прокурором в судебном следствии // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 3. С. 179–185. DOI: [10.17816/RJLS19118](https://doi.org/10.17816/RJLS19118).
  23. Некоз А.С. Занятие высшего положения в преступной иерархии: вопросы правоприменительной практики // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 12-2. С. 129–131. DOI: [10.23672/x0986-0119-9885-c](https://doi.org/10.23672/x0986-0119-9885-c).
  24. Сафронский Г.Э. Об участии государственного обвинителя в судебном следствии // Государственная служба и кадры. 2017. № 3. С. 110–115. EDN: [ZEIKDJ](https://elibrary.ru/zeikdj).
  25. Кондратюк С.В. Способ совершения преступления в структуре занятия высшего положения в преступной иерархии // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 1. № 2. С. 193–199. DOI: [10.51965/2076-7919_2021_1_2_193](https://doi.org/10.51965/2076-7919_2021_1_2_193).
  26. *sluzhba i kadry*, 2017, no. 3, pp. 110–115. EDN: [ZEIKDJ](https://elibrary.ru/zeikdj).
  4. Mazunin Ya.M., Mazunin P.Ya. Preservation of evidence obtained during the pre-trial investigation as one of the challenges in the trial of organized crime cases. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, 2020, no. 38, pp. 51–61. DOI: [10.17223/22253513/38/6](https://doi.org/10.17223/22253513/38/6).
  5. Popadenko E.V. To the question of the contents of the introductory statement of the defender in court with the participation of jurors. *Ius Publicum et Privatum*, 2018, no. 1, pp. 65–68. EDN: [YMWUPZ](https://elibrary.ru/ympwupz).
  6. Agapov P.V., Salnikov N.V., Kondratyuk S.V. Topical issues of the implementation of criminal responsibility for occupying the highest position in the criminal hierarchy. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*, 2021, no. 3, pp. 49–55. EDN: [YPPQOHI](https://elibrary.ru/yppqohi).
  7. Merkurev V.V., Borisov S.V. National security protection against new threats and challenges: preventive and counter measures. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voенно-pravovoe obozrenie*, 2020, no. 5, pp. 79–86. EDN: [IHVDY](https://elibrary.ru/ihvdy).
  8. Lebedev N.Yu., Nider S.A. To the characteristics of person occupying the highest position in the criminal hierarchy: criminalistic and criminal procedure aspects. *Sibirskie ugolovno-protsessualnye i kriminalisticheskie chteniya*, 2021, no. 4, pp. 60–68. DOI: [10.17150/2411-6122.2021.4.60-68](https://doi.org/10.17150/2411-6122.2021.4.60-68).
  9. Kondratyuk S.V. Proving leadership in the criminal hierarchy. *Vestnik Akademii prava i upravleniya*, 2021, no. 2, pp. 51–57. DOI: [10.47629/2074-9201_2021_2_51_57](https://doi.org/10.47629/2074-9201_2021_2_51_57).
  10. Retyunskikh I.A., Kolosovich O.S. Peculiarities of conducting some investigative actions during investigation of crimes provided for in art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*, 2021, no. 3, pp. 174–180. DOI: [10.25724/VAMVD.WFGH](https://doi.org/10.25724/VAMVD.WFGH).
  11. Petrikina A.A., Khabracho D.A. Development of the activity of the prosecutor in the maintenance of public prosecution in the court of first instance. *Pravo i praktika*, 2019, no. 1, pp. 138–142. EDN: [KTQAPL](https://elibrary.ru/ktqapl).
  12. Ivanov A.N. Organizational aspects of the public prosecutors group. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, 2017, no. 5, pp. 241–245. EDN: [ZSUFNN](https://elibrary.ru/zsufnn).
  13. Moiseev A.M., Panko N.A. Negative factors of production of forensic examinations. *Ex Jure*, 2021, no. 1, pp. 181–193. EDN: [JFCNRB](https://elibrary.ru/jfcnrp).
  14. Agarkov A.V., Shikov A.A. Recording investigation into activities of criminal leaders and AUE extremist organization members. *Penitentsiarnaya nauka*, 2022, vol. 16, no. 1, pp. 77–86. DOI: [10.46741/2686-9764.2022.57.1.008](https://doi.org/10.46741/2686-9764.2022.57.1.008).
  15. Korchagin A.A., Kiryushina L.Yu. Features of the preparation tactics of the state prosecution on criminal cases on murders. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 6, pp. 92–99. DOI: [10.14258/izvasu\(2017\)6-17](https://doi.org/10.14258/izvasu(2017)6-17).
  16. Kondratyuk S.V. Superior position in the criminal hierarchy: specification of main features. *Zakonnost*, 2021, no. 8, pp. 49–53. EDN: [MTHJAK](https://elibrary.ru/mthjak).

REFERENCES

1. Isaenko V.N. On the structure of the methodology for maintaining public prosecution. *Kriminalist*, 2020, no. 4, pp. 8–16. EDN: [IHDIZM](https://elibrary.ru/ihdizm).
2. Khomyakova A.V. Issues of preparing a public prosecutor for evidence in litigation. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2019, no. 12, pp. 329–332. DOI: [10.23672/SAE.2019.2019.44460](https://doi.org/10.23672/SAE.2019.2019.44460).
3. Safronskiy G.E. On the participation of the public prosecutor of the court investigation. *Gosudarstvennaya*

17. Bakaev A.A., Tarasov V.Yu., Sheveleva K.V. Ensuring the safety of minors in a virtual environment: criminal-legal and criminological aspect. *Zakon i pravo*, 2021, no. 8, pp. 90–94. DOI: [10.24412/2073-3313-2021-8-90-94](https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-8-90-94).
18. Kashapov R.M., Yakusheva T.V. Occupation of the highest position in the criminal hierarchy: first results of law enforcement of art. 210¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. *Ugolovnoe pravo*, 2021, no. 12, pp. 39–49. DOI: [10.52390/20715870_2021_12_39](https://doi.org/10.52390/20715870_2021_12_39).
19. Kondratyuk S.V. Proving leadership in the criminal hierarchy. *Vestnik Akademii prava i upravleniya*, 2021, no. 2, pp. 51–57. DOI: [10.47629/2074-9201_2021_2_51_57](https://doi.org/10.47629/2074-9201_2021_2_51_57).
20. Dikarev I.S. Designation of preliminary investigation in criminal proceedings. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2022, no. 1, pp. 75–88. DOI: [10.33184/pravgos-2022.1.5](https://doi.org/10.33184/pravgos-2022.1.5).
21. Vlasenko V.V. Problems of qualification of occupation of the top position in the criminal hierarchy (art. 210¹ of the Criminal Code of the Russian Federation). *Ugolovnoe pravo*, 2022, no. 5, pp. 3–12. EDN: [AWPPOV](https://elibrary.ru/awpfov).
22. Pavlova E.V. Tactics of presenting evidence by a prosecutor in a judicial investigation. *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy*, 2019, vol. 6, no. 3, pp. 179–185. DOI: [10.17816/RJLS19118](https://doi.org/10.17816/RJLS19118).
23. Nekoz A.S. Occupation of the highest position in the criminal hierarchy: issues of law enforcement practice. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki*, 2021, no. 12-2, pp. 129–131. DOI: [10.23672/x0986-0119-9885-c](https://doi.org/10.23672/x0986-0119-9885-c).
24. Safronskiy G.E. On the participation of the public prosecutor of the court investigation. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*, 2017, no. 3, pp. 110–115. EDN: [ZEIKDJ](https://elibrary.ru/zeikdj).
25. Kondratyuk S.V. The method of committing a crime in the structure of occupation of the highest position in the criminal hierarchy. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2021, vol. 1, no. 2, pp. 193–199. DOI: [10.51965/2076-7919_2021_1_2_193](https://doi.org/10.51965/2076-7919_2021_1_2_193).

Preparation of a public prosecutor for participation in a trial for cases on the occupation of the highest position in the criminal hierarchy

© 2022

Evgeny A. Ignatenko^{1,2,3}, PhD (Law), Associate Professor, senior researcher of the Research Institute
Sergey V. Kondratyuk^{*4}, PhD (Law), assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”
Tatiana V. Mychak⁵, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation, Moscow (Russia)

*E-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0871-2585>

²ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7272-5359>

³ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1160-8797>

Abstract: The paper considers special aspects of organization of the public prosecutor preparation to prosecute on the cases on occupying the supreme position in the criminal hierarchy. The authors specify the peculiarities of prosecuting on this type of cases before the court, formulates recommendations on the tactics of submission of evidence to the court. The paper summarizes the scientific recommendations on the public prosecutor preparation for judicial proceedings. The specifics of judicial consideration of cases on occupying the supreme position in the criminal hierarchy and the public prosecutor’s participation in it are taken into account. The authors identified that tactical specific of submission of evidence by a public prosecutor depends on the constitution of the court. Based on the analysis of judicial practice, the authors demonstrate that to achieve optimal result, it is advisable for public prosecutor to submit evidence in the order corresponding to the sequence of commission of a crime when a case on occupying the highest position in the criminal hierarchy is considered by professional judges. The paper describes the peculiarities of preparing a public prosecutor to participate in judicial proceedings on the cases on occupying the supreme position in the criminal hierarchy. The authors recommend that a public prosecutor submits evidence in the order corresponding to the structure of the way a defendant takes the highest position in the criminal hierarchy. Concerning the cases involving a jury, it seems reasonable to carry out a judicial examination of specialist – a criminologist – to explain the basic concepts reflecting the way a defendant takes the highest position in the criminal hierarchy. The authors suggest amending criminal procedure legislation on the cases, which cannot be considered by the court consisting of a judge and a tribunal of eight jurors.

Keywords: judicial investigation; judicial proceedings; public prosecutor; criminal hierarchy; supreme position in criminal hierarchy; criminal leader; criminally-oriented persons.

For citation: Ignatenko E.A., Kondratyuk S.V., Mychak T.V. Preparation of a public prosecutor for participation in a trial for cases on the occupation of the highest position in the criminal hierarchy. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2022, no. 3, pp. 18–24. DOI: [10.18323/2220-7457-2022-3-18-24](https://doi.org/10.18323/2220-7457-2022-3-18-24).

Следственные действия и типичные ошибки при обнаружении и изъятии доказательств преступных действий в сфере компьютерной информации

© 2022

Сергеев Андрей Борисович, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса и экспертной деятельности
Челябинский государственный университет, Челябинск (Россия)

E-mail: Sergeev_ab@bk.ru

Аннотация: Телекоммуникационные технологии сделали возможным использование обществом виртуального, а не только реального (материального) пространства. Отдельные действия, наносящие вред общественным отношениям, попали под запрет уголовного законодательства: ст. 272, 273, 274, 274.1 УК РФ. Если расследуемые преступления, совершенные в материальном мире, имеют большую наработанную следственную и судебную практику, то расследование преступлений, совершенных в сфере компьютерной информации, имеет слабую эмпирическую базу и небольшой объем работ научного характера. Это указывает на наличие криминалистически важной проблемы и необходимость ее решения. Содержание статьи составляет перечень и краткий криминалистический обзор допускаемых следственными органами типичных ошибок при обнаружении и изъятии доказательств преступных действий в сфере компьютерной информации. На основе системно-комплексного подхода представлен обзор криминалистически значимых для расследования элементов информационных компьютерных сетей, проведен анализ реализации положений доказательственного права при расследовании преступлений в телекоммуникационном пространстве. В заключение излагается суждение об универсальной природе цифрового следа. Называются типичные ошибки при обнаружении и изъятии доказательств преступных действий в сфере компьютерной информации. Отмечается, что такое положение ставит перед учеными и практиками задачу совершенствовать криминалистические методы, средства и тактику обнаружения следов преступления в информационном (виртуальном) пространстве и процессуального их закрепления в законодательно установленном порядке. В статье предлагается направление решения данной проблемы. Оно не указывает на необходимость переработки существующей теории доказательственного права и дополнения ее новыми процессуальными аспектами, фиксирующими особые качества цифровой информации. Подчеркивается, что допускаемые следователями ошибки не вызваны пробелами научного знания криминалистического или законодательного характера. Решение проблемы лежит в практической плоскости повышения уровня знаний IT-технологий следователями, осуществляющими расследование.

Ключевые слова: цифровое пространство; компьютерные сети; технологии; информация.

Для цитирования: Сергеев А.Б. Следственные действия и типичные ошибки при обнаружении и изъятии доказательств преступных действий в сфере компьютерной информации // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2022. № 3. С. 25–33. DOI: 10.18323/2220-7457-2022-3-25-33.

ВВЕДЕНИЕ

Процесс установления истины об обстоятельствах совершенного преступления (ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)) нормативно определяется рядом алгоритмически последовательных этапов: сбором, проверкой и оценкой доказательств (ст. 86–88 УПК РФ). Каждый из названных этапов также структурирован. Так, процесс сбора сведений формируется посредством совершения ряда криминалистически значимых действий: обнаружения сведений; их исследования на предмет установления отношения к устанавливаемому обстоятельству; фиксации этих относимых к устанавливаемому событию сведений в процессуально заданной форме [1; 2].

Как этап процесса доказывания, сбор доказательств состоит в производстве следственных действий (ч. 1 ст. 86 УПК РФ) с детальным отражением порядка их производства, процессуального закрепления их результатов (фиксация и изъятие). Сбор доказательств субъект доказывания может осуществлять

и посредством производства иных (помимо следственных) процессуальных действий, которые процессуальным законодательством определены как требования, запросы, поручения (ч. 4 ст. 21 УПК РФ).

Устанавливая признаки вещественного доказательства, УПК РФ не перечисляет виды их проявления. Исключение сделано в отношении цифровой информации. Вещественные доказательства – источники, содержащие цифровую информацию, в ряде норм определяемые конкретным термином «электронные носители информации». Для названного вида доказательств процесс доказывания (сбор, проверка и оценка доказательств) имеет правовые особенности. В настоящее время нельзя считать, что все они выявлены и учитываются следственными подразделениями при производстве по уголовным делам. Научные исследования по уяснению феномена «электронные доказательства» и результаты этих исследований доказывают, что важно сблизить позиции ученых и практиков по понятию (содержанию) категории «виртуальный след» [3; 4]. Единообразное понимание специалистами понятия этой категории существенно усилит эффективность

следственной и судебной деятельности. Итоговые судебные решения по уголовным делам не будут вызывать сомнений в своей правосудности [5; 6].

В настоящее время существующий разброс мнений относительно влияния развития цифровых технологий на уголовное судопроизводство можно свести к трем основным позициям (в рамках каждой позиции суждения можно дополнительно конкретизировать).

Первая позиция характеризуется радикальными положениями. Она гласит, что цифровизация влечет за собой формирование информационно-коммуникационной модели, которая делает необходимой реорганизацию всего уголовно-процессуального механизма судопроизводства. Парадигма уголовно-процессуального доказывания должна быть кардинально перестроена. Это относится и к предмету доказывания, и к средствам доказывания, и к субъектам производства по уголовному делу.

Согласно этой позиции, высокий уровень развития цифровых технологий уже сейчас позволяет отказаться от существующей системы следственных действий, как объективно устаревшей. Взамен «наследия прошлого» нужно разработать «универсальное» следственное действие [7].

Доказательствами должны стать любые носители, стандарты допустимости доказательств следует пересмотреть. Достоверность доказательств (сведений) может обеспечивать не вызывающая разумных сомнений цепь «законных владений» цифровой информацией. Цифровизация в уголовном судопроизводстве делает избыточной функцию «предварительного следствия» (всестороннего полного и объективного раскрытия и расследования преступления). Программист, специалист по информационной безопасности корпорации, «робот», любой «пользователь» цифровой технологией может успешно обеспечить сбор необходимых сведений [8].

Вторая, «умеренная» позиция. Предлагается, не меняя существующей уголовно-процессуальной концепции построения уголовного судопроизводства, закрепить в уголовном судопроизводстве фактическое положение об использовании цифровых технологий, законодательно раскрыть категорию «цифровая информация», закрепить понятие «носитель цифровой информации» [9]. В стадии возбуждения уголовного дела порядок (последовательность) производства процессуальных действий по обнаружению признаков преступления, а также результат этих действия предлагается фиксировать одним из двух способов: на материальном носителе (например, протокол осмотра) или в цифровой форме (в электронном виде). Разрабатываются предложения электронного предупреждения о юридической ответственности, регламентация процессуального порядка идентификации и аутентификации [10; 11]. Цифровизация должна привести к уточнению отдельных существующих следственных действий. «Контроль и запись переговоров» (ст. 186 УПК РФ) предлагается переименовать в «контроль электросвязи»; «контроль телефонных и иных переговоров» заменить на «контроль электросвязи» [12].

Третья позиция, согласно которой следует придерживаться традиционной исторически сложившейся концепции российского уголовного судопроизводства. Утверждается, что цифровизация не меняет концепту-

альных основ уголовного судопроизводства, но ставит вопрос обнаружения и фиксации информации, расположенной в виртуальном пространстве. Этот вопрос большей частью имеет технический характер. Для отправления правосудия предлагаемая «уголовно-процессуальная революция» вредна. «Революция» не заменит классический уголовный процесс каким-то «новым» уголовным процессом [13].

В подтверждение обоснованности такого подхода приводятся соответствующие аргументы. Так, утверждается, что «электронный протокол» от своего бумажного аналога уголовно-процессуальной сущностью отличаться не может, содержание будет всегда едино – сведения об обстоятельствах совершения расследуемого преступления. Отличие только в техническом исполнении протокола. Признание электронной информации отдельным источником уголовно-процессуальных доказательств породит многочисленные коллизии в устоявшейся правовой доктрине уголовного процесса [12].

Реализация предложений специалистов, разделяющих первую (радикальную) позицию о цифровизации уголовного судопроизводства, невозможна. При таком «инновационном» подходе экспертные возможности оказания помощи следствию будут ничтожно малы. Так, перевод вещественных доказательств в формат 3D-версии исключит возможность проведения экспертных исследований по оставленным на материальном носителе физическим и генетическим следам.

Еще более актуализируется проблема сохранения достоверности материалов электронного уголовного дела. Если материалы дела будут находиться в электронных сетях, риск несанкционированного допуска и изменения содержания материалов дела существенно возрастет.

Из трех приведенных точек зрения автор придерживается третьей позиции. В работе предпринята попытка аргументированно доказать перспективность развития именно традиционного исторически сложившегося направления законодательной регламентации уголовного судопроизводства.

Гипотеза исследования – допускаемые типичные ошибки при обнаружении и изъятии следователями доказательств преступных действий в сфере компьютерной информации вызваны не издержками существующей теории доказательственного права; проблема лежит в практической плоскости и связана с недостаточным уровнем знаний информационно-телекоммуникационных технологий (ИТ-технологий) следователями, осуществляющими расследование.

Цель работы – рассмотрение проблемных вопросов выявления особенностей следов преступления в цифровой системе, специфики процессуальной деятельности по их закреплению, анализ типичных ошибок при обнаружении и изъятии доказательств преступных действий в сфере компьютерной информации.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Этапы исследования:

– уточнение перечня элементов тех информационных компьютерных технологий, которые могут быть носителями криминалистически значимой для расследования информации о преступных действиях виновных лиц;

– систематизация доказательственного права, нормы которого могут применены при расследовании преступлений в виртуальной среде;

– выявление резервов криминалистической тактики при подготовке и производстве следственных действий по обнаружению и процессуальному закреплению цифровой информации в компьютерной сети;

– анализ типичных ошибок следственных органов при работе с цифровым следом.

Материалами настоящего исследования послужили: 1) положения федерального законодательства; 2) материалы судебной практики; 3) обобщенные результаты ранее проведенных исследований по рассматриваемым вопросам.

Методологическими средствами исследования явились:

– догматический метод – использование понятий правовых конструкций, устоявшихся в юриспруденции, имеющих четкую формальную определенность и ясность (норма права, доказательства как сведения об устанавливаемых событиях и пр.);

– системный метод в виде системно-структурного, системно-функционального, системно-целевого аналитико-правового исследования для выявления многообразных типов связей в цифровом информационном пространстве. Знание о типах связей помогает воссоздать картину преступных действий и закрепить виртуальную информацию о них в классическую уголовно-процессуальную форму.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Особенности следовой картины преступных действий в телекоммуникационной сфере

Механизм преступных действия в сфере компьютерной информации (ст. 272–274.4 УК РФ) представляет собой комплекс действий лица по подготовке к совершению неправомерного доступа. Комплекс складывается из способа неправомерного доступа, примененного при совершении преступления в информационной системе (он обуславливает специфику электронного следа при уничтожении, блокировании, модификации компьютерной информации), а также действий по сокрытию следов преступления [14].

Особенность криминалистически значимых сведений об обстоятельствах преступления заключается в том, что сведения могут содержаться как в одном, так и в нескольких электронных носителях, если они объединены в одну информационную систему. Информационную систему же формирует база информации (данных). Электронная база данных создается и обновляется за счет разнообразных специализированных IT-технологий, представляющих собой набор средств и методов применения этих технологий с целью обнаружения, обработки, передачи и накопления в них сведений (информационного продукта)¹. Электронная база данных хранится в памяти компьютера².

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

² Ч. 2 статьи 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ

Совокупность электронных баз данных в судебной практике³ часто определяют через понятие «виртуальное пространство». Возможность синхронизации и последовательной реализации столь разнообразной деятельности по созданию баз данных (виртуального пространства) формирует структуру электронной комплексной системы.

Требования к качественному досудебному производству складываются из необходимости обеспечения полноты, всесторонности расследования [15].

Полнота предварительного расследования обеспечивается максимально полным обнаружением следов преступления. В сфере цифрового общения следы преступной деятельности распределяются в структурных частях электронной системы. Представленные выше сведения об информационной комплексной системе и входящих в нее подсистемах нужны следователю для того, чтобы в практической поисковой процессуальной деятельности он мог быстро восстанавливать в сознании весь перечень процессуально значимых источников, в которых могут находиться в цифровой форме сведения об обстоятельствах преступной деятельности (ст. 73 УПК РФ).

Чтобы осуществлять эффективное собирание, проверку и оценку доказательств преступления, совершенного в сфере компьютерной информации, следователь должен знать следующие основные положения о материальных электронных объектах, обеспечивающих возможность развития общественных отношений, в том числе криминальных, в цифровом информационном пространстве:

а) информационное пространство образуют информационные компьютерные сети;

б) информационные компьютерные сети формируются структурными элементами. Из них базовыми являются:

- компьютеры (иные сетевые узлы);
- сетевое оборудование;
- информационное и программное обеспечение.

При совершении преступных действий их следы «оседают» в каждой из названных подсистем;

в) идентификация лица осуществляется не с помощью методов и правил габитоскопии. В компьютерной вычислительной сети установление пользователя осуществляется посредством определения электронной подписи, паролей, установлением кода доступа, учетных записей, цифрового имени пользователя.

Установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ), во многом определяется компонентным составом компьютерной сети и их взаимообусловленным функционированием. Базовый элемент компьютерной сети (такой как подсистема), структурные составляющие которого могут быть источниками доказательственной информации

в ред. от 11.06.2021 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.

³ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 20.06.2019 № С01-390/2019 по делу № А40-169068/2018; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.11.2019 № Ф05-18806/2019 по делу № А40-217942/2018 Требование: О взыскании неосновательного обогащения // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.

об обстоятельствах совершенного преступления, представляет собой объединенные в группы компьютеры и ряд других компьютерных устройств (специалисты называют их телекоммуникационными сетевыми узлами), связанных друг с другом каналом связи и реализующих соответствующую программу.

Другим базовым элементом компьютерной сети является информационное программное обеспечение. В состав программного обеспечения включены программы для ЭВМ. Программа – составленная разработчиком в цифровом виде система команд и необходимых данных, обеспечивающих работу ЭВМ и связанных с ЭВМ иных устройств. Понятием «программа ЭВМ» охватываются также комбинации компьютерных инструкций и данных, позволяющих аппаратному обеспечению вычислительной системы выполнять вычисления или функции управления. Аналогичное направление построений имеют и криминальные программы, целевая направленность которых определяется решением задач уничтожения, блокировки, изменения, модификации, осуществления несанкционированного владельцем копирования компьютерной информации, нейтрализации средств охраны компьютерной информации и пр.

Источники цифровой информации с самой информацией, в них содержащейся, признаются относимыми к расследуемому преступлению, если они были использованы в качестве орудия преступления или они являлись оборудованием, которое использовалось для совершения преступного деяния; восприняли воздействие преступного посягательства и хранят на себе следы этого воздействия; стали предметом преступного посягательства (ч. 1 ст. 81 УПК РФ). Процессуальным качеством относимости цифровая информация с носителем будет обладать в случае, если ее можно использовать в процессе обнаружения иных доказательств совершенного преступления и лиц, его совершивших [16].

Следует согласиться со специалистами в том, что появление цифровой следовой картины делает востребованным и актуальным активизацию исследований и разработку (адаптирование) криминалистических методов поиска и фиксирования следов преступлений, предусмотренных ст. 272, 273, 274, 274.1 УК РФ [17; 18].

Цифровая информация в компьютерной сети распространяется по заданным программами маршрутам «в виде последовательной и полной цепи отраженных ... сведений, замкнутых по смыслу» [19, с. 31]. Существо содержания криминалистически значимого следа заключается (проявляется) в изменениях цифровой информации [20], в разнице между тем «как было» до преступного воздействия и «как стало» после завершения «атаки».

Таким образом, чтобы получить сведения об обстоятельствах расследуемого преступления в сфере компьютерной информации, субъект расследования при проведении следственных действий должен обладать навыками специалиста в сфере обмена цифровой информацией:

- исследовать хранящуюся в компьютерной цепи цифровую информацию;
- обнаруживать среди этой информации сведения, подтверждающие совершенное преступление (найти электронный след);

– фиксировать результаты поисковой деятельности в процессуальных документах.

Порядок производства следственных действий не зависит от вида доказательства и складывается из трех этапов: подготовительного, рабочего и заключительного.

Практическими работниками часто недооценивается подготовительный этап к проведению следственного действия по обнаружению и закреплению цифровой информации [21].

Ряд исследователей пытается распространить существующую теорию доказательств на электронные доказательства [22; 23]. Указывается, что специфика природы электронных доказательств не требует разработки дополнительных теорий доказательственного права. Существующие положения криминалистической тактики применимы и к цифровым следам [24]. Например, одна из задач следственного действия по обнаружению следов преступления заключается в тщательном подборе участников следственного действия; другая – в принятии решения о необходимом криминалистическом оборудовании для обнаружения и изъятия доказательственной цифровой информации [25]. Сказанное относится и к специалисту, и к понятным, которым были бы ясны действия следователя и специалиста на протяжении всего процесса проведения следственного действия.

Следователь должен правильно определить типологию сети. Ошибка может привести к существенным потерям информации.

Уголовно-процессуальное законодательство не устанавливает обязательного участия специалиста при производстве обыска (ст. 182 УПК РФ) и выемки (ст. 183 УПК РФ), однако целесообразность его присутствия в ряде сложных следственных ситуаций очевидна и объективно необходима. Востребованность участия специалиста вызвана обладанием им знаниями в области цифровой коммуникации участников общественных отношений. На этапе подготовки к производству следственного действия в порядке, предусмотренном ст. 58, 164, 168 УПК РФ, специалист может помочь следователю определиться с выбором необходимого комплекта криминалистической техники по обнаружению, фиксации и изъятию цифровой информации.

Экспертно-криминалистические подразделения комплектуются в основном программно-аппаратными комплексами «Мобильный Криминалист Эксперт».

Исследования показывают, что при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации подготовительный этап включает производство промежуточных следственных действий, результаты которых создают благоприятные условия для производства планируемого следственного действия. Так, при подготовке к производству обыска (выемки) и получению значимой доказательственной цифровой информации в организации с большой и разветвленной компьютерной сетью, следователи предварительно проводят допрос системного администратора информационной системы. В силу его компетенции и обязанности системный администратор может сообщить важные для успешного производства обыска (выемки) сведения, которыми он располагает в силу своего положения. Такими могут быть сведения:

- о типологии (структуре) информационной локальной системы, с одного из сетевых узлов которой осуществлена атака;

- о входящих в информационную сеть объектах, их состоянии, технических возможностях; информирование о типовой характеристике, наименовании, комплектующих особенностях, идентифицирующих объект. Сюда же относятся сведения о маркировочных знаках, номера серии и пр.;

- о схемах нахождения сетевых узлов и их взаимного расположения друг относительно друга, последовательности соединения и пр.

- о работоспособности сети;

- о местах концентрации криминалистически значимой информации: на сервере или на отдельных компьютерах сотрудников и пр.;

- о специфике работы web-сервера;

- об операционной системе и пр.

При выполнении действий по обнаружению и изъятию доказательственной информации в ряде случаев используют помощь специалиста уже на подготовительном этапе. На этом этапе специалист может оказать помощь в ответе на вопрос о наличии (отсутствии) угрозы противодействия проведению следственного действия и уничтожения цифровой информации и ее носителей. При реальности такой угрозы следователь предусматривает и принимает меры к исключению возможности ее возникновения за счет использования фактора внезапности производства следственного действия, привлечения сил и средств блокирования доступа к сети, дистанционного на нее воздействия с целью размагничивания носителей и таким способом уничтожения цифровой следовой картины. Ч. 7 ст. 164 УПК РФ закрепляет право следователя использовать сотрудников оперативных подразделений при производстве следственного действия.

Рабочий этап следственного действия

Рабочий этап следственного действия (обыск, выемка) направлен на обнаружение и изъятие носителей цифровой информации, доказывающих совершение преступлений, предусмотренных ст. 272, 273, 274, 274.1 УК РФ.

При производстве следственного действия следователь получает от специалиста:

- рекомендации по тактике производства следственного действия;

- рекомендации по поиску и изъятию доказательственной информации, правильному копированию сведений;

- консультацию при определении средств, обеспечивающих шифрование информации (сведений), ее фиксацию и места хранения;

- помощь при выявлении средств, предназначенных для того, чтобы в неординарной ситуации уничтожить информацию, и нейтрализации этих средств;

- помощь в описании изымаемых объектов;

- помощь в фиксации доказательственной информации с удаленных сетевых ресурсов, идентификации данных и пр.

- помощь следователю при составлении протокола [26].

С учетом общих требований (ст. 164, 164.1, 166 УПК РФ) строгое соблюдение нормативных положений

ст. 182, 183 УПК РФ обеспечивает допустимость доказательств. Отсутствие в протоколе следственного действия максимально подробного описания порядка и последовательности его проведения ставит под сомнение достоверность полученных результатов. Наиболее часто повторяющимися ошибками являются следующие пробелы в описании информационной (компьютерной) сети и узлов, которые подвергнуты обыску: не указан вид информационной вычислительной сети (персональная или локальная); отсутствуют сведения, является ли сеть закрытой (доступ к ней имеет только ограниченный круг лиц, имеющий отношение к этому предприятию) или открытой (кроме пользователей учреждения, доступ к сети имеют иные лица); какие операционные системы установлены (Windows, UNIX, NetWare, Cisco IOS).

Полученные результаты суд признает недопустимыми, если не указаны криминалистические средства и порядок их применения при обнаружении и изъятии электронных носителей с доказательственной информацией (ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ) [27].

К протоколу должны прилагаться видеозапись (если она применялась) и схемы расположения сетевых узлов. Если в сети была обнаружена цифровая информация (сведения), то приложением к протоколу будут электронные носители, содержащие эти доказательственные сведения (карты памяти, флеш-накопители и т. п.) (ч. 8 ст. 166 УПК РФ).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Установленный перечень особенностей следов преступления в цифровой системе, специфика деятельности по процессуальному закреплению этих следов, анализ типичных ошибок при обнаружении и изъятии доказательств преступных действий в сфере компьютерной информации подтверждают гипотезу об ошибочности предложений по радикальной реорганизации всего уголовно-процессуального механизма судопроизводства и смены парадигмы уголовно-процессуального доказывания. Не нашли подтверждения необходимости и предложения частичной корректировки ряда норм УПК РФ в связи с образованием цифрового следа от преступной деятельности и необходимостью закрепления этого следа. Традиционная исторически сложившаяся концепция российского уголовного судопроизводства показывает свою эффективность в современных условиях и поэтому должна быть сохранена.

Представленный краткий системно-комплексный обзор научных положений, суждений, представлений о цифровом пространстве у специалистов в области уголовного судопроизводства в целом:

- дает представление о состоянии научных познаний об этой специфичной области цифрового пространства;

- позволяет определить векторную направленность научных исследований и установить перспективные направления;

- организовать исследование сложных вопросов расследования, которые до настоящего времени исследуются недостаточно активно, но ответы на которые востребованы практикой. Такое отставание – результат до конца не осознанного потенциала важности решения этих вопросов для качества уголовного судопроизводства.

Представленное в работе обобщение типичных ошибок следственных органов при производстве по уголовным делам и использовании в качестве доказательств по делу цифровой информации при всей своей значимости не является исчерпывающим. Современное знание о следственных ошибках не является полным. Требуется дальнейшее обобщение следственной и судебной практики, выявление сложностей работы с цифровой доказательственной базой.

Следует согласиться с научной общественностью, что определяющим фактором эффективности производства по уголовному делу фактором являются глубокие познания субъекта расследования (следователя, дознавателя) в различных видах и сочетаниях компьютерных сетей, компьютерных устройств, компьютерных технологий. В зависимости от сочетания названных особенностей информационных комплексов, перспективным направлением криминалистической науки следует признать дальнейшее развитие теории формирования следственных ситуаций [28] при расследовании преступлений в цифровом пространстве.

ВЫВОДЫ

Изложенное позволяет заключить следующее:

1. Практика расследования преступлений в сфере компьютерной информации достаточно убедительно свидетельствует об отсутствии потребности перерабатывать и дополнять существующую теорию доказательственного права новыми процессуальными аспектами, фиксирующими особые качества цифровой информации.

2. В то же время универсальная природа цифрового следа очевидна. Такое положение ставит перед учеными и практиками задачи совершенствования криминалистических методов, средств и тактики обнаружения следов преступления в информационном (виртуальном) пространстве и процессуального закрепления этих следов в законодательно установленном порядке.

3. В процессе обнаружения и фиксации следов преступления в сфере компьютерной информации допускаемые следователями ошибки не вызваны пробелами научного знания криминалистического или законодательного характера. Проблема лежит в практической плоскости и связана с недостаточным уровнем знаний ИТ-технологий следователями, осуществляющими расследование.

Решение этой проблемы лежит в направлениях:

– большей специализации субъектов доказывания преступной деятельности в рассматриваемой сфере общественной (цифровой) деятельности;

– вопреки мнению ряда специалистов, в сохранении требования закона об обязательном участии специалиста в производстве обыска и выемке (ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вехов В.Б. Понятие, виды и особенности фиксации электронных доказательств // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 1. С. 155–158. EDN: [VUGRPP](#).
2. Россинский С.Б. Собираание, формирование и исследование доказательств в уголовном судопроизвод-

стве: проблемы разграничения // Российская юстиция. 2017. № 5. С. 24–27. EDN: [YNDPYZ](#).

3. Поляков М.П., Смолин А.Ю. Концептологический анализ феномена электронных доказательств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2. С. 135–145. DOI: [10.24411/2078-5356-2019-10222](#).
4. Голубцов В.Г. Электронные доказательства в контексте электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 1. С. 170–188. EDN: [YZYAYX](#).
5. Россинский С.Б. Дискуссионные вопросы методологии уголовно-процессуального познания // Российская юстиция. 2016. № 4. С. 32–36. EDN: [VSAWUN](#).
6. Глухова Е.В., Сергеев А.Б. Вопросы имплементации европейского правового стандарта проведения ОРМ по доказыванию в виновности лица в совершении преступления в российское уголовно-процессуальное законодательство // Евразийский юридический журнал. 2017. № 3. С. 220–225. EDN: [YJUHXB](#).
7. Александров А.С. Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 130–139. EDN: [XWCHZB](#).
8. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А.С. Александрова. М.: Юрлитинформ, 2015. 299 с.
9. Засулин А.И. Компьютерная информация в уголовном процессе: сущность и способы закрепления в качестве доказательств по уголовному делу // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. № 6. С. 130–133. EDN: [VGSKGN](#).
10. Балашова А.А. Место и роль электронных носителей информации в системе источников доказательств // Образование. Наука. Научные кадры. 2018. № 4. С. 76–79. EDN: [VOHAFС](#).
11. Масленникова Л.Н., Топилина Т.А. Зарубежный опыт использования онлайн-сервисов для подачи сообщения о преступлении // Законность. 2020. № 6. С. 61–65. EDN: [CDXJDI](#).
12. Черкасов В.С. Компьютерная информация как самостоятельный источник уголовно-процессуальных доказательств: аргументы за и против // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2018. № 2. С. 55–62. EDN: [USGVSW](#).
13. Головкин Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25. DOI: [10.24411/2414-3995-2019-10002](#).
14. Мира К.А. Возможности использования криминалистических цифровых платформ при расследовании преступления // Эксперт-криминалист. 2021. № 2. С. 32–34. EDN: [VEKKBI](#).
15. Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199–207. DOI: [10.17223/15617793/448/25](#).
16. Сергеев А.Б., Сергеев М.А., Сергеев К.А. Особенности расследования преступлений, связанных с присвоением прав на владение и управление предпри-

- тиями и организациями. Челябинск: ГОУ ВПО ЧЮИ МВД России, 2008. 127 с.
17. Зайцев О.А. Особенности использования электронной информации в качестве доказательств по уголовному делу: сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 4. С. 42–57. DOI: [10.12737/jflcl.2019.4.4](https://doi.org/10.12737/jflcl.2019.4.4).
  18. Кальницкий В.В. Вопросы правовой регламентации следственных действий на современном этапе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 32–38. EDN: [TOMORX](https://elibrary.ru/tomorx).
  19. Колычева А.Н. Криминалистические аспекты работы следователя при изъятии электронно-цифровых следов в компьютерной системе и сети Интернет // Юридическое образование и наука. 2017. № 4. С. 30–33. DOI: [10.18572/2072-4438-2017-4-30-33](https://doi.org/10.18572/2072-4438-2017-4-30-33).
  20. Гаврилин Ю.В., Балашова А.А. Процессуальный порядок собирания доказательств на энергонезависимых локальных электронных носителях информации // Сибирский юридический вестник. 2020. № 2. С. 77–82. EDN: [LLSSCT](https://elibrary.ru/llssct).
  21. Большаков М.С. Основные ошибки осмотра места происшествия и пути их преодоления следователями органов внутренних дел // Преступность в сфере информационно-телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2020. № 1. С. 12–14. EDN: [XQRLPN](https://elibrary.ru/xqrlpn).
  22. Количенко А.А. Доктринальный подход к определению термина «электронные доказательства» в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 3. С. 136–140. DOI: [10.36511/2078-5356-2021-3-136-140](https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-3-136-140).
  23. Шигуров А.В., Шигурова Е.И. Проблемы правовой регламентации использования электронных следов и электронных носителей информации при производстве по уголовному делу // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2020. № 1. С. 53–63. EDN: [EBIAKZ](https://elibrary.ru/ebiakz).
  24. Бердникова О.П. Порядок получения электронных доказательств при проведении отдельных следственных действий // Право и государство: теория и практика. 2022. № 1. С. 366–368. DOI: [10.47643/1815-1337_2022_1_366](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_1_366).
  25. Перов В.А. Электронные следы при расследовании уголовных дел о преступлениях с использованием криптовалют // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 4. С. 108–111. EDN: [OJSDEF](https://elibrary.ru/ojsdef).
  26. Аносов А.В. Предупреждение соучастия несовершеннолетних в преступлениях в цифровую эпоху // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 2. С. 14–19. DOI: [10.37973/KUI.2022.60.84.002](https://doi.org/10.37973/KUI.2022.60.84.002).
  27. Соркин В.С., Козел В.М. Об электронных доказательствах в уголовном процессе (проблемы правоприменения) // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. 2021. Т. 11. № 2. С. 79–84. EDN: [XLAMXN](https://elibrary.ru/xlamxn).
  28. Шубарина Л.В., Сергеев А.Б. Учение Л.Я. Драпкина о следственных ситуациях в условиях цифровизации предварительного расследования // Вклад Л.Я. Драпкина в криминалистическую науку. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2019. С. 364–374. EDN: [ZMQGDC](https://elibrary.ru/zmqgdc).

REFERENCES

1. Vekhov V.B. The concept, types and features of fixing electronic evidence. *Rassledovanie prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya*, 2016, no. 1, pp. 155–158. EDN: [VUGRPP](https://elibrary.ru/vugrpp).
2. Rossinskiy S.B. The gathering, formation and study of evidence in criminal proceedings: problems of differentiation. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2017, no. 5, pp. 24–27. EDN: [YNDPYZ](https://elibrary.ru/yndpyz).
3. Polyakov M.P., Smolin A.Yu. Concept-centred analysis of the phenomenon electronic evidence. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2019, no. 2, pp. 135–145. DOI: [10.24411/2078-5356-2019-10222](https://doi.org/10.24411/2078-5356-2019-10222).
4. Golubtsov V.G. Electronic evidence in the context of e-justice. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 170–188. EDN: [ZYAYYX](https://elibrary.ru/zyayyx).
5. Rossinskiy S.B. Discussion methodological issues of criminal procedural knowledge. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2016, no. 4, pp. 32–36. EDN: [VSAWUN](https://elibrary.ru/vsawun).
6. Glukhova E.V., Sergeev A.B. The European legal standard of conduct search and investigation for proving the guilt of the perpetrator of the crime in comparison with the Russian criminal-procedural legislation. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2017, no. 3, pp. 220–225. EDN: [YJUHXB](https://elibrary.ru/yjuhxb).
7. Aleksandrov A.S. The problems of the theory of criminal procedural proof, which must be solved in connection with the transition to the digital age. *Sudebnaya vlast i ugovolnyy protsess*, 2018, no. 2, pp. 130–139. EDN: [XWCHZB](https://elibrary.ru/xwchzb).
8. Aleksandrov A.S., ed. *Doktrinalnaya model ugovolno-protsessualnogo dokazatelstvennogo prava Rossiyskoy Federatsii i kommentarii k ney* [Doctrinal model of criminal procedural evidentiary law of the Russian Federation and commentary to it]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. 299 p.
9. Zazulin A.I. Computer information in criminal procedure: essence and methods of fixing as an evidence in criminal case. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki*, 2015, no. 6, pp. 130–133. EDN: [VGSKGN](https://elibrary.ru/vgskgn).
10. Balashova A.A. The place and role of electronic media in the system of sources of evidence. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*, 2018, no. 4, pp. 76–79. EDN: [VOHAFС](https://elibrary.ru/vohafc).
11. Maslennikova L.N., Topilina T.A. International experience of use of online services for submission of a crime report. *Zakonost*, 2020, no. 6, pp. 61–65. EDN: [CDXJDI](https://elibrary.ru/cdxjdi).
12. Cherkasov V.S. Computer information as an independent source of criminal procedure evidence: arguments for and against. *Vestnik Dalnevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2018, no. 2, pp. 55–62. EDN: [USGVSU](https://elibrary.ru/usgvsu).

13. Golovko L.V. The digitalization in criminal procedure: local optimization or global revolution? *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, 2019, no. 1, pp. 15–25. DOI: [10.24411/2414-3995-2019-10002](https://doi.org/10.24411/2414-3995-2019-10002).
14. Mira K.A. Opportunities for the use of criminalistic digital platforms in crime investigation. *Ekspert-kriminalist*, 2021, no. 2, pp. 32–34. EDN: [VEKKBI](https://elibrary.ru/VEKKBI).
15. Aleksandrov A.S., Andreeva O.I., Zaytsev O.A. On development prospects of the Russian criminal proceeding in the context of digitalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 448, pp. 199–207. DOI: [10.17223/15617793/448/25](https://doi.org/10.17223/15617793/448/25).
16. Sergeev A.B., Sergeev M.A., Sergeev K.A. *Osobennosti rassledovaniya prestupleniy, svyazannykh s prisvoeniem prav na vladenie i upravlenie predpriyatiyami i organizatsiyami* [Features of the investigation of crimes related to the assignment of rights to possession and management of enterprises and organizations]. Chelyabinsk, GOU VPO ChYul MVD Rossii Publ., 2008. 127 p.
17. Zaytsev O.A. Features of the use of electronic information as criminal evidence: a comparative-legal analysis of foreign legislation. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 2019, no. 4, pp. 42–57. DOI: [10.12737/jflcl.2019.4.4](https://doi.org/10.12737/jflcl.2019.4.4).
18. Kalnitskiy V.V. Academy of the Russian interior ministry, honored lawyer of the Russian Federation. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2015, no. 2, pp. 32–38. EDN: [TOMORX](https://elibrary.ru/TOMORX).
19. Kolycheva A.N. Criminalistic aspects of the investigator's work at withdrawal of digital traces in a computer system and the internet network. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka*, 2017, no. 4, pp. 30–33. DOI: [10.18572/2072-4438-2017-4-30-33](https://doi.org/10.18572/2072-4438-2017-4-30-33).
20. Gavrilin Yu.V., Balashova A.A. Procedural procedure for collecting evidence on non-volatile local electronic media. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*, 2020, no. 2, pp. 77–82. EDN: [LLSSCT](https://elibrary.ru/LLSSCT).
21. Bolshakov M.S. Main errors of inspection of the place of accident and ways to overcome them by investigators of internal affairs bodies. *Prestupnost v sfere informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy: problemy preduprezhdeniya, raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy*, 2020, no. 1, pp. 12–14. EDN: [XQRLPN](https://elibrary.ru/XQRLPN).
22. Kolichenko A.A. Doctrinal approach to the definition of the term “electronic evidence” in criminal proceedings. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2021, no. 3, pp. 136–140. DOI: [10.36511/2078-5356-2021-3-136-140](https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-3-136-140).
23. Shigurov A.V., Shigurova E.I. Problems of legal regulation of the use of electronic tracks and electronic media in the criminal proceedings. *Gumanitarnye i politiko-pravovye issledovaniya*, 2020, no. 1, pp. 53–63. EDN: [EBIAKZ](https://elibrary.ru/EBIAKZ).
24. Berdnikova O.P. The procedure for obtaining electronic evidence during individual investigative actions. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2022, no. 1, pp. 366–368. DOI: [10.47643/1815-1337_2022_1_366](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_1_366).
25. Perov V.A. Electronic traces in the investigation of criminal cases of crimes involving the use of cryptocurrency. *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii*, 2020, no. 4, pp. 108–111. EDN: [OJSDEF](https://elibrary.ru/OJSDEF).
26. Anosov A.V. Prevention of minor complicity in crimes in the digital age. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2022, vol. 13, no. 2, pp. 14–19. DOI: [10.37973/KUI.2022.60.84.002](https://doi.org/10.37973/KUI.2022.60.84.002).
27. Sorkin V.S., Kozel V.M. On electronic evidence in criminal proceedings (problems of law enforcement). *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 4. Pravovedenie*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 79–84. EDN: [XLAMXN](https://elibrary.ru/XLAMXN).
28. Shubarina L.V., Sergeev A.B. Uchenie L.Ya. Introduction of digital technologies in the preliminary investigation and the doctrine of L.Ya. Drapkin on investigative situations. *Vklad L.Ya. Drapkina v kriminalisticheskuyu nauku*. Ekaterinburg, Uralskiy gosudarstvennyy yuridicheskiy universitet Publ., 2019, pp. 364–374. EDN: [ZMQGDC](https://elibrary.ru/ZMQGDC).

Crime investigations and common mistakes when detecting and withdrawing the evidence of cyber criminal actions

© 2022

Andrey B. Sergeev, Doctor of Sciences (Law), Professor,
professor of Chair of Criminal Procedure and Expert Activity

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk (Russia)

E-mail: Sergeev_ab@bk.ru

Abstract: Telecommunication technologies made it possible for the society to use both real (material) and virtual space. Some actions injuring social relations fall under the criminal legislation prohibition: Articles 272, 273, 274, and 274.1 of the RF Criminal Code. The investigated crimes committed in the material world have a large tried and tested investigative and judicial practice, but the investigation of cyber crimes has a weak empirical base and a limited scientific experience. This indicates the existence of a criminalistically significant problem and the necessity of its solution. The paper presents the list and brief criminalistic overview of common mistakes made by investigative authorities when detecting and withdrawing the evidence of cyber crimes. Based on the system-comprehensive approach, the author gives an overview of information computer network elements criminalistically significant for an investigation; carries out the analysis of the implementation of evidentiary law provisions when investigating crimes in the telecommunication space. In conclusion, the author explains the digital footprint universal nature and enumerates typical mistakes when detecting and withdrawing the evidence of cyber criminal acts. The paper states that such order of things sets before the scientists and practitioners the task of improving forensic methods, tools, and tactics for detecting traces of a crime in the information (virtual) space and their procedural legal enshrinement. The author proposes a direction of solving this problem. It does not indicate

the necessity to revise the existing evidentiary law theory and to supplement it with new procedural aspects fixing special characteristics of digital information. The author highlights that the mistakes made by investigators are not caused by the gaps in scientific knowledge of a forensic or legislative nature. The problem solution lies in the practical plane of the IT-technologies knowledge improvement by the investigators conducting the examination.

Keywords: digital space; computer networks; technologies; information.

For citation: Sergeev A.B. Crime investigations and common mistakes when detecting and withdrawing the evidence of cyber criminal actions. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2022, no. 3, pp. 25–33. DOI: 10.18323/2220-7457-2022-3-25-33.

Понятие и цели наказания в русском средневековом праве

© 2022

Сквозников Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры «Теория и история государства и права»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

E-mail: skvoznikov2003@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1543-0375>

Аннотация: В статье рассматривается эволюция цели уголовного наказания в источниках русского средневекового права с точки зрения субъективной вины злоумышленника. На протяжении длительного времени сущность наказания в русском праве выражалась не столько в применении санкций к обидчику за нарушение последним нормы поведения (обычая), сколько в том, чтобы восстановить нарушенный порядок (правду) и удовлетворить чувство обиды потерпевшего путем причинения физического страдания обидчику либо компенсировать обиду путем взыскания имущества обидчика. Сущность наказания выражалась в восстановлении справедливости, которая понималась как равноценное воздаяние обидчику за совершенное зло, причинение обиды, нарушение всеобщего порядка. Подобное понимание идеи справедливости, неразделяемой с правом, исторически явилось стержнем русского (российского) правосознания. Автор использовал методы историко-правового и сравнительно-правового анализа. Исследована деятельность законодателя по ограничению применения потерпевшими мер возмездия (мести) в отношении обидчика, осуществляемых в частном порядке без участия государственной власти. Автор пришел к выводу о том, что в позднем средневековье в период становления Московского государства в XIV–XV вв. наказание становится мерой воздействия, олицетворяющей не частный, а публичный (государственный или классовый) интерес. Наказание в руках государства становится воздаянием (карой) преступнику формально от имени всего общества, но фактически от лица господствующего класса. Законодатель начинает уделять внимание внутреннему (субъективному) отношению лица к совершенному правонарушению и последствиям при назначении наказания.

Ключевые слова: русское средневековое право; Русская Правда; преступное деяние; причинение обиды; кровная месть; субъективные признаки деяния; установление вины; право наказания.

Для цитирования: Сквозников А.Н. Понятие и цели наказания в русском средневековом праве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2022. № 3. С. 34–39. DOI: 10.18323/2220-7457-2022-3-34-39.

ВВЕДЕНИЕ

В современных общественных науках под наказанием в широком смысле слова понимают негативную санкцию (средство воздействия), используемую как элемент социального контроля нежелательного поведения индивидов и уменьшающую вероятность повторения такого поведения с целью защиты общества и его отдельных членов [1].

В юриспруденции под наказанием принято понимать меру государственного принуждения, применяемую в соответствии с законом к лицу, совершившему правонарушение и признанному виновным, предусматривающую негативные последствия для правонарушителя в виде лишения материального, личного или организационного характера [2].

Современное понимание сущности наказания в праве прошло длительную эволюцию. Следует напомнить, что понятия «преступление» и «наказание» в русском праве появляются не сразу. В частности, в древнерусском праве общественно вредные и противоправные деяния в их современном понимании называли «обидой», «согрешением», «проказой» [3]. Это четко прослеживается на примере некоторых норм русско-византийских договоров¹. Быть «обиженным» – значит

претерпеть что-то неприятное (оскорбление, ущерб, несправедливость), это и считалось преступлением [4]. Частно-правовая трактовка правонарушения долгое время преобладает над публично-правовым пониманием противоправного деяния [5]. Вместе с тем нанесение обиды (причинение вреда) воспринималось у восточных славян не только в смысле нарушения личных интересов, но и как нарушение всеобщего порядка, добра (правды). Совершить преступление – значит совершить зло, «погубить правду». Таким образом, сущностной чертой обиды (правонарушения) выступает не только причиненный моральный или материальный вред, но и морально-нравственная порочность, нарушение сложившихся обычаев, которые именовали «норовом», «преданием», «правдой» [6]. При этом обиженный в первую очередь обращал свое внимание на внешнюю сторону преступного деяния, вред, который был ему причинен, зачастую не различая деяний по характеру участия в них воли преступника. Сам факт совершения вредоносного деяния увязывался с наличием преступного помысла, злонамеренностью, то есть действие отождествлялось с виной [7]. Наказанию подлежало в первую очередь не виновное действие как таковое, но его внешний (объективный) результат – смерть, увечье, гибель имущества и т. д. Такое игнорирование субъективных признаков деяния приводило к тому, что

¹ Договор Руси с Византией 911 г. Ст. 3 // Памятники русского права. В 35 т. Т. 1. Памятники права Древней

Руси / под ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2013. 526 с. С. 408.

в некоторых случаях потерпевший обращал свой гнев, месть не только на представителей человеческого рода, но и наказывал как своих обидчиков животных и даже объекты неживой природы (камни, воду и т. д.)².

В свое время выдающийся немецкий философ Ф.В. Ницше отмечал, что на протяжении длительного периода человеческой истории смысл наказания заключался не столько в том, чтобы привлечь к ответственности виновного, сколько в том, чтобы осуществить возмездие в отношении лица, причинившего вред. В психологии древнего человека прочно утвердилось представление о том, что всякий ущерб имеет свой эквивалент и может быть возмещен, в том числе путем причинения физического или нравственного страдания (боли) вредителю. Подобно тому, как некоторые родители наказывают своих детей, гневаясь на понесенный ущерб и срывая злобу на вредителя, в древних обществах часто наказывали только за вредоносный результат действия, не учитывая вину, внутреннее отношение лица к содеянному³. Воздействие на вредоносный объект в форме мести было во многом связано с ярко выраженным инстинктом самосохранения древнего человека. Известный итальянский криминолог Э. Ферри отмечал, что на примитивной стадии развития человечества наказание понималось как естественная оборонительная реакция в отношении деяний, вредных для отдельных лиц или общества в целом [8]. Главным условием привлечения к ответственности и назначения наказания выступала польза для общества и необходимость его самосохранения [9].

Автором выдвинута гипотеза о том, что наказание в древнерусском праве носило в основном компенсационный и правовосстановительный характер, что способствовало снижению социальных конфликтов и ослаблению кровной мести как способа воздаяния за обиду.

Цель исследования – выявление сущности наказания в качестве меры общественного воздействия на правонарушителя в русском средневековом праве.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выбор методологии исследования был обусловлен поставленной целью исследования. Материалами (эмпирической основой) настоящего исследования послужило российское законодательство XI–XV вв. Применялись как общенаучные методы, так и специально-юридические методы исследования.

Общенаучный метод индукции позволил продвигаться в последовательном изучении содержания, формы и сущности такого явления, как наказание, определить его характерные признаки и цели. Историко-правовой сравнительный метод позволил с помощью сравнения отдельных норм некоторых памятников русского права различных исторических эпох сделать определенные обобщения, раскрыть эволюцию системы

целей наказания и выявить некоторые тенденции в развитии института наказания.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сущность наказания в древнерусском правовом сознании

В широком смысле целью наказания в древнерусском праве являлось восстановление гармонии, баланса добра и зла, которые были нарушены по причине (вине) действия лица, преступившего каноны, заветы предков, то есть совершившего преступление [10]. Первоначально преобладала идея тотального воздаяния по принципу «совершил – претерпи». Возмездие, искупление вины было направлено на примирение со всеобщим (божественным) порядком. Длительное время наказание как мера воздействия на члена общества имело форму частной мести, применяемой обиженным (потерпевшим) или его сородичами по отношению к обидчику. Месть представляла собой простейший способ противодействия и защиты от дальнейших преступных посягательств, который применял сам потерпевший. В случае гибели потерпевшего право возмездия за злодеяние переходило к близким родственникам. Так, норма Правды Ярослава предусматривала: «Убьёт муж мужа, то мстить брату брата, или сыну отца, либо отцу сына, или братову сыну, либо сестрину сыну...»⁴.

Частноправовой и публично-правовой подходы к наказанию в русском праве

Проявлением частного подхода к правонарушению являлось право на осуществление кровной мести за убийство или правомерная казнь вора в момент совершения кражи. Существовало право ответить ударом на удар, «не терпя обиду»⁵. Данные меры можно назвать самостоятельным досудебным способом восстановления справедливости, самозащитой отдельных членов общества от нарушения их интересов без участия княжеской (государственной) власти. С другой стороны, за проступок одного члена семьи (общины) в некоторых случаях отвечал весь коллектив. Например, когда вервь (община) не могла найти и задержать преступника на своей территории или не желала его выдавать властям, все члены общины обязаны были платить повальную (дикую виру)⁶. Аналогично и обида, нанесенная одному из членов семьи, рассматривалась как обида всего рода (общины). В этом смысле восстановление справедливости путем мести (воздаяния) преступнику всегда носило общественный (публичный) характер. Более того, отмщение было не только правом, но и обязанностью общины, которая должна восстановить нарушенный преступлением порядок [11].

² Абрашкевич М.М. Эволюция идеи о преступлении и наказании. Публичная лекция, прочитанная 23 марта 1903 года в актовом зале Императорского Новороссийского университета в пользу Одесского исправительного приюта для малолетних преступников. Одесса: Экономическая типография, 1903. 48 с.

³ Ницше Ф. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 23.

⁴ Русская Правда Краткой редакции (по Академическому списку). Ст. 1 // Памятники русского права. В 35 т. Т. 1. Памятники права Древней Руси / под ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 109.

⁵ Русская Правда Пространной редакции (по Троицкому 1-му списку). Ст. 26 // Памятники русского права. В 35 т. Т. 1. Памятники права Древней Руси / под ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 121.

⁶ См. 5.

Неслучайно в Русской Правде значительное число наказаний носило частноправовой характер, исполнялись самими потерпевшими или их представителями без привлечения публичной власти. Встречаются и наказания, осуществляемые государственной властью. К таким наказаниям прибегали за совершение особо тяжких обид (поджог, конокрадство, разбойное убийство). Данные деяния, представлявшие опасность не только для частных интересов (общины), но и угрожавшие интересам русской военно-феодалной знати (публичной власти), не подлежали искуплению путем выплаты денежной виры. Говоря современным языком, примирение с потерпевшим (его родом) при нанесении особо тяжкой обиды было невозможно путем выплаты денежной компенсации. Здесь преступник вступал конфликт не только с конкретным лицом или родом, но со всем обществом (государством). Поэтому восстановление нарушенного порядка (правды) требовало применения более суровых мер в отношении преступника. Община обязана была изгнать преступника вместе с семьей из своих пределов («поток»), то есть лишить его своей защиты и выдать головой в руки княжеского (государственного) правосудия. Результатом потока становилась полная конфискация имущества преступника и обращение его в рабство вместе с женой и детьми⁷. Таким образом, в русском средневековом государстве долгое время сосуществовали две формы наказания: частноправовая форма, в сущности, индивидуальная оборона, и коллективная самооборона, проявляемая в наказаниях, осуществляемых исключительно государством.

В дальнейшем с развитием государства преобладающая закономерно получила система наказаний, назначаемых и исполняемых органами государственной власти. Однако по форме наказание за противоправные вредоносные деяния сохраняло форму коллективной самообороны общества и его отдельных лиц, осуществляемую посредством позитивного права и системы государственного правосудия и исполнения наказаний.

В период политической раздробленности в русском праве еще сохраняется возможность самостоятельной расправы над обидчиком или взыскания с него компенсации частным порядком. Так, в Двинской уставной грамоте 1397 г. содержалась норма, позволяющая участникам драки («боя») разрешить конфликт без участия государственной власти⁸. Однако здесь скорее следует говорить о взаимном примирении сторон, добровольной выплате обиженному компенсации со стороны обидчика, нежели о мести.

Вместе с тем в Двинской уставной грамоте нашел отражение процесс вытеснения властью из жизни общества практики самовольного, осуществляемого без участия государственной власти, призвания правонарушителя к ответу, в том числе взыскание денежной компенсации с преступника за нарушенный интерес [12]. В данном случае самосуд рассматривается вла-

стью как деяние, нарушающее финансовые интересы государства, которое в случае частного разрешения спора лишается возможности получения дохода в виде судебных пошлин. За самосуд в Двинской уставной грамоте устанавливался штраф в размере 4 рублей⁹.

Со временем кровная месть все больше ограничивается государством и становится пережитком родовых отношений. В частности, в нормах Псковской Судной грамоты был установлен запрет на осуществление самостоятельной расправы над обидчиком, осуществление в отношении него различных насильственных действий до суда. Частноправовой характер наказания в форме кровной мести был криминализован властью [13]. Месть, расправа над правонарушителем, приближаясь к современному пониманию самосуда, становится наказуемым деянием, за которое предусматривалась такая же ответственность, как за голову (убийство)¹⁰.

Таким образом, цели наказания в древнерусском праве, пришедшие в большей степени из общинного права, разделялись на два направления.

Направления воздействия наказания на правонарушителя

Первое направление – возмездие «злом за зло» (в особенности присущее ранним редакциям Русской Правды). Сюда входят все наказания, направленные на физическое страдание преступника или его физическое устранение (убийство в форме кровной мести или изгнание из общины). Следует отметить, что идея возмездия преступнику за совершенное зло, присущая сознанию восточных славян, вполне гармонично вписалась в византийскую правовую идеологию, воспринятую русским средневековым государством после принятия христианства и рецепции византийского канонического права. Влияние христианства на русское правосознание и законодательство выразилось во внедрении идеи покаяния, искупления вины и исправления преступника как цели его наказания [14]. При этом уже в русско-византийском договоре 911 г. для обозначения наказания за грабеж в отношении экипажа иностранного судна используется термин «епитимья»¹¹. Таким образом, понимание наказания как нравственно-исправительной меры начало укореняться в сознании восточных славян еще до принятия христианства.

Со временем наказание стало восприниматься не просто как возмездие, мщение обидчику за причиненный вред, но и как способ повлиять на преступника, достичь с помощью наказания покаяния и внутреннего перерождения правонарушителя. Данная высокая цель предполагала, помимо установления размера ущерба, выяснение внутренних движущих сил, в том числе личного отношения к содеянному.

Второе направление – материальная выгода, при этом выгода не только потерпевшего, но и государства.

⁷ *Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юридическая литература, 1984. С. 87.*

⁸ *Уставная грамота великого князя Василия Дмитриевича Двинской земле 1397 г. // Памятники русского права. В 35 т. Т. II. Памятники права удельной Руси / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 99.*

⁹ См. 8.

¹⁰ *Псковская судная грамота. Ст. 26. // Российское законодательство X-XX вв. В 9 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1984. С. 334.*

¹¹ *Договор Руси с Византией 911 г. Ст. 8 // Памятники русского права. В 35 т. Т. I. Памятники права Древней Руси / под ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 410.*

К данному направлению относятся все наказания, связанные с материальными ограничениями и лишениями виновного (вира, поток и разграбление). В поздних редакциях Русской Правды наблюдается существенное преобладание данного направления в разветвленной системе наказаний.

Следует отметить, что древнерусское законодательство отличалось относительной гуманностью наказаний. В русской правовой традиции причинение физического страдания правонарушителю не являлось целью наказания. В частности, в Русской Правде основным видом наказания были денежные штрафы, а такие виды наказаний, как смертная казнь или лишение свободы в форме тюремного заключения, долгое время отсутствовали в русском законодательстве. В дальнейшем в период становления Московского государства развитие наказания пошло по пути его ужесточения. В рассматриваемый период наблюдается заимствование из зарубежных правовых систем новых видов наказаний, которые не были характерны для древнерусского обычного права. Речь идет о членовредительских наказаниях, таких как урезание носа или ослепление [15]. Публичная власть, реализуя наказание, долгое время шла по пути частного мстителя. Преступник рассматривался в качестве врага власти, поэтому наказание во многом сохраняло характер мести [16]. Вместе с тем излишняя и чрезмерная жестокость наказания, неоправданное причинение физических страданий преступнику, явно не соответствующие тяжести его проступка и применяемые с целью устрашения, противоречили древнерусской традиции понимания справедливости как равного воздаяния.

Появление и распространение в Московском государстве такого вида наказания, как лишение свободы, было обусловлено усилением защиты со стороны государства интересов формирующейся служилой бюрократии, светских и церковных феодалов и в целом политического и экономического строя Московского государства. Новая система наказаний основывалась на рецепции византийского права, которое оказалось востребованным у отечественного законодателя в период становления Московского государства в XV–XVI вв.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Некоторые исследователи полагали, что в период господства мести не следует говорить о наличии права в обществе и, следовательно, о наказании как об институте юридической ответственности. Мечь рассматривалась как произвольные действия, простейший способ регулирования общественных отношений, осуществляемый самими их участниками. В случае с обидой – потерпевшим или его сородичами. По мнению автора, подобное представление о мести является весьма поверхностным. Наказание в форме кровной мести носило кроме прочего оборонительный и превентивный характер, дабы предупредить повторение преступных посягательств в отношении членов данного рода.

Как справедливо отмечал известный исследователь древнерусского права М.Ф. Владимирский-Буданов, «всякое право развивается из первоначальных инстинктов и природных чувств», поэтому уголовное наказание генетически развивается из мести, которую ученый

относит к правомерным явлениям [17]. С позицией Владимирского-Буданова был солидарен другой известный исследователь русского права Н. Л. Дювернуа, который полагал, что в Древней Руси обиженный, тот, кто претерпел от действий другого лица и мстит обидчику, совершает настоящий акт правосудия [18]. В данном случае ученый рассматривает действия мстящего не как самоуправство, а как правомерное самостоятельное восстановление справедливости (своего нарушенного права). Характерной чертой древнерусского правосознания являлось, с одной стороны, лично-индивидуальное восприятие правопорядка, отношение к преступлению (обиде) как к своему частному делу. Отсюда возникает стремление к разрешению конфликтных ситуаций между потерпевшим и обидчиком «по совести», без привлечения публичной власти.

По мнению Р.Л. Хачатурова, частноправовой способ решения конфликта в виде кровной мести широко использовался в Древней Руси на практике, что нашло подтверждение в нормах русско-византийских договоров X в. Нормы договоров 911 и 944 гг. предусматривали право сородичей убитого казнить убийцу, который был задержан на месте совершения деяния [19]. Таким образом, можно говорить, что мечь носила правомерный характер только в том случае, если она была реализована сразу после совершения преступного деяния, что сближало ее не с наказанием, а с индивидуальной или коллективной самообороной [20].

Ряд ученых отрицали право частной расправы над убийцей в Древней Руси и толковали вышеуказанные нормы как казнь убийцы на месте преступления по приговору суда [4].

ВЫВОДЫ

Сущность наказания в древнерусском праве выражалась не столько в применении санкций к обидчику за нарушение последней нормы поведения (обычая), сколько в том, чтобы удовлетворить чувство обиды потерпевшего путем причинения физического страдания обидчику либо компенсировать обиду путем взыскания имущества обидчика. Кроме того, преступник обязан был искупить свою вину и перед обществом в целом за нарушение порядка, установленных норм.

Публичная власть придает преступному деянию и наказанию статус общесоциальной (общегосударственной) угрозы. На смену понятиям «обида» – «мечь» со временем приходят более современные юридические понятия «преступление» – «наказание».

Наказание в современном его понимании начинает применяться, когда действия индивида начинают противоречить интересам государства, общественного строя. То есть государство начинает все больше вторгаться в сферу частного. Социальное и имущественное расслоение приводит к тому, что господствующие классы с помощью усиления карательной политики защищают свои экономические интересы. Таким образом, появление тех или иных наказаний за определенные действия демонстрирует нам, какие отношения и чьи интересы признавались в обществе наиболее важными в определенный исторический период.

В древнерусском законодательстве и судебной практике можно встретить попытки при назначении

наказания учитывать объективные признаки преступного деяния (объем причиненного вреда) во взаимосвязи с его субъективными признаками: виной, умыслом, мотивами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковалев А.Ф. Формирование системы и целей уголовного наказания на раннем этапе развития отечественного государства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2. С. 308–311. DOI: [10.24411/2078-5356-2018-10051](https://doi.org/10.24411/2078-5356-2018-10051).
2. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2007. 934 с.
3. Савина С.Н. Развитие представлений об уголовном проступке в отечественном законодательстве и доктрине (с древнерусского права до конца XVIII века) // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2020. № 2. С. 130–137. EDN: [GIYDXI](https://elibrary.ru/gydxi).
4. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. М.: Зерцало, 2004. 488 с.
5. Федорова А.Н. Понятие правонарушения по Русской Правде // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 5. С. 121–125. EDN: [PCAWVT](https://elibrary.ru/pcawvt).
6. Кузнецов А.П., Курдюков С.И. Цели уголовного наказания: теоретико-прикладное исследование // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 4–7. EDN: [YYRNNJ](https://elibrary.ru/yyrnnj).
7. Сквозников А.Н. Конструкция вины в европейском средневековом праве // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 4. С. 48–52. DOI: [10.37523/SUI.2021.45.4.007](https://doi.org/10.37523/SUI.2021.45.4.007).
8. Ферри Э. Уголовная социология. М.: ИНФРА-М, 2005. 658 с.
9. Сквозников А.Н. Субъективная сторона транспортных правонарушений в XVI–XIX вв. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 3. С. 48–54. DOI: [10.18323/2220-7457-2021-3-48-54](https://doi.org/10.18323/2220-7457-2021-3-48-54).
10. Корсаков К.В. Истоки и предтеча современного уголовного наказания: равновозмездный принцип талиона и институт кровомщения в старорусском праве // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2015. № 2. С. 112–118. EDN: [TPTELB](https://elibrary.ru/tptelb).
11. Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве. М.: Норма, 2012. 736 с.
12. Хачатрян А.В. Проблема мести в древнерусском праве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 1. С. 157–160. EDN: [OFWDEL](https://elibrary.ru/ofwDEL).
13. Харламов А.Н., Пристенский В.Н. Вина, ответственность, право в контексте взаимоотношений личности с социумом (социально-философский аспект) // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 1. С. 253–261. EDN: [RZVHVX](https://elibrary.ru/rzvHVX).
14. Солоницын П.С. Европейская уголовно-правовая доктрина вины: Античность и Средние века // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФЦИН России: сборник трудов конференции. Самара: Самарский юридический институт ФЦИН, 2020. С. 181–191. EDN: [PXYUFE](https://elibrary.ru/pxyufe).
15. Оспенников Ю.В. Уголовная ответственность по русским летописям XI–XIII вв. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2008. № 2. С. 147–149.
16. Пономаренко Ю.А. Происхождение права наказания // Проблемы законности. 2011. № 115. С. 126–135. EDN: [RDZATZ](https://elibrary.ru/rdzatz).
17. Владимировский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. 800 с.
18. Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в Древней России: Опыт по истории русского гражданского права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 396 с.
19. Хачатуров Р.Л. Мирные договоры Руси и Византии. М.: Юридическая литература, 1988. 136 с.
20. Никулина В.А. Истоки сроков давности в древнерусском уголовном праве // Lex russica (Русский закон). 2020. Т. 73. № 10. С. 126–136. DOI: [10.17803/1729-5920.2020.167.10.126-136](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.167.10.126-136).

REFERENCES

1. Kovalev A.F. Formation of the system and goals of punishment at an early stage of development of the home state. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2018, no. 2, pp. 308–311. DOI: [10.24411/2078-5356-2018-10051](https://doi.org/10.24411/2078-5356-2018-10051).
2. Khachaturov R.L., Lipinskiy D.A. *Obshchaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti* [General theory of legal responsibility]. Sankt Petersburg, Yuridicheskiy tsentr-Press Publ., 2007. 934 p.
3. Savina S.N. Development of ideas about criminal misconduct in Russian legislation and doctrine (from ancient Russian law-until the end of the xviii century). *Uchenye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata*, 2020, no. 2, pp. 130–137. EDN: [GIYDXI](https://elibrary.ru/gydxi).
4. Sergeevich V.I. *Lektsii i issledovaniya po drevney istorii russkogo prava* [Lectures and research on the ancient history of Russian law]. Moscow, Zertsalo Publ., 2004. 488 p.
5. Fedorova A.N. The idea of offence in Russian however. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 5, pp. 121–125. EDN: [PCAWVT](https://elibrary.ru/pcawvt).
6. Kuznetsov A.P., Kurdyukov S.I. State of intoxication as an aggravating circumstance and the procedure for its determination. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2019, no. 3, pp. 4–7. EDN: [YYRNNJ](https://elibrary.ru/yyrnnj).
7. Skvoznikov A.N. The construction of guilt in European medieval law. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*, 2021, no. 4, pp. 48–52. DOI: [10.37523/SUI.2021.45.4.007](https://doi.org/10.37523/SUI.2021.45.4.007).
8. Ferri E. *Ugolovnaya sotsiologiya* [Criminal sociology]. Moscow, INFRA-M Publ., 2005. 658 p.
9. Skvoznikov A.N. The subjective aspect of transport offenses in the Russian legislation of the XVI–XIX centuries. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2021, no. 3, pp. 48–54. DOI: [10.18323/2220-7457-2021-3-48-54](https://doi.org/10.18323/2220-7457-2021-3-48-54).
10. Korsakov K.V. Origins and precursor of modern criminal punishment: the principle of talion and the institution of blood vengeance in the old Russian law. *Vestnik*

- Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo*, 2015, no. 2, pp. 112–118. EDN: [TPTELB](#).
11. Maltsev G.V. *Mest i vozmezhdie v drevnem prave* [Revenge and retribution in ancient law]. Moscow, Norma Publ., 2012. 736 p.
  12. Khachatryan A.V. The problem of seats in ancient law. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 1, pp. 157–160. EDN: [OFWDEL](#).
  13. Kharlamov A.N., Pristenskiy V.N. Blame, responsibility, law in the context of the relationship between an individual and the society (social-philosophical aspect). *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 2014, no. 1, pp. 253–261. EDN: [RZVHVX](#).
  14. Solonitsyn P.S. The European criminal law doctrine of guilt: Antiquity and the Middle Ages. *Yuridicheskaya nauka i praktika: almanakh nauchnykh trudov Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii: sbornik trudov konferentsii*. Samara, Samarskiy yuridicheskiy institut FSIN Publ., 2020, pp. 181–191. EDN: [PXYUFE](#).
  15. Ospennikov Yu.V. Criminal liability according to the Russian chronicles of the XI–XIII centuries. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 2, pp. 147–149.
  16. Pnomarenko Yu.A. Origin of right for punishment. *Problemy zakonnosti*, 2011, no. 115, pp. 113–121. EDN: [RTDIFR](#).
  17. Vladimirskiy-Budanov M.F. *Obzor istorii russkogo prava* [Review of history of Russian law]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2005. 800 p.
  18. Dyubernua N.L. *Istochniki prava i sud v Drevney Rossii: Opyty po istorii russkogo grazhdanskogo prava* [The sources of Law and the Court in Ancient Russia: Experiences in the History of Russian Civil Law]. Sankt Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2004. 396 p.
  19. Khachaturov R.L. *Mirnye dogovory Rusi i Vizantii* [Peace treaties between Russia and Byzantium]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1988. 136 p.
  20. Nikulina V.A. The origins of limitation period in the old Russian criminal law. *Lex russica (Russkiy zakon)*, 2020, vol. 73, no. 10, pp. 126–136. DOI: [10.17803/1729-5920.2020.167.10.126-136](#).

The concept and purpose of punishment in Russian medieval law

© 2022

Aleksandr N. Skvoznikov, PhD (History), Associate Professor,
assistant professor of Chair “Theory and History of State and Law”

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

E-mail: skvoznikov2003@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1543-0375>

Abstract: The paper considers the evolution of the purpose of criminal punishment in the sources of Russian medieval law with regard to the subjective guilt of a law-violator. For a long time, the essence of punishment in Russian law was expressed not so much in the application of sanctions to an offender for violating the norm of behavior (a custom) by the latter, but in restoring the violated order (the truth) and satisfying the victim’s resentment by causing physical suffering to an offender, or to compensate an offense by recovering the property of an offender. The essence of punishment was expressed in the restoration of justice, which was understood as an equivalent retribution to an offender for the evil committed, causing offense, and violating the general order. Such an understanding of the idea of justice, inseparable from law, has historically become the core of Russian legal consciousness. The author used the methods of historical-legal and comparative-legal analysis to study the activities of the legislator to limit the use of retaliation (revenge) by victims against an offender carried out privately without the state power participation. The author concludes that in the late medieval period, during the formation of the Muscovite state in the XIV–XV centuries, punishment becomes a compensatory remedy representing not a private, but a public (state or class) interest. Punishment in the state hands becomes retribution (punishment) to an offender formally on behalf of the whole society, but, in fact, on behalf of the ruling class. The legislator begins to pay attention to the internal (subjective) attitude of a person to a committed offense and its consequences when sentencing.

Keywords: Russian medieval law; Russkaya Pravda; criminal act; to inflict offense; blood revenge; act’s subjective signs; ascertainment of guilt; right of punishment.

For citation: Skvoznikov A.N. The concept and purpose of punishment in Russian medieval law. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2022, no. 3, pp. 34–39. DOI: 10.18323/2220-7457-2022-3-34-39.

НАШИ АВТОРЫ

Забурдаева Кристина Александровна, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: kris.alexandrovna1992@yandex.ru

Иванов Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Конституционное и административное право».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: A.Ivanov18@tltsu.ru

Игнатенко Евгений Александрович, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института.
Адрес: Университет прокуратуры Российской Федерации, 123022, Россия, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, 15.
E-mail: iea13@mail.ru

Кондратюк Сергей Викторович, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru

Мычак Татьяна Владимировна, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: Mychak_tatyana@mail.ru

Сергеев Андрей Борисович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и экспертной деятельности.
Адрес: Челябинский государственный университет, 454001, Россия, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129.
E-mail: Sergeev_ab@bk.ru

Сквозников Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и история государства и права».
Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: skvoznikov2003@mail.ru

OUR AUTHORS

Ignatenko Evgeny Aleksandrovich, PhD (Law), Associate Professor, senior researcher of the Research Institute.
Address: University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 123022, Russia, Moscow, 2nd Zvenigorodskaya Street, 15.
E-mail: iea13@mail.ru

Ivanov Aleksandr Aleksandrovich, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair of Constitutional and Administrative Law.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: A.Ivanov18@tltsu.ru

Kondratyuk Sergey Viktorovich, PhD (Law), assistant professor of Chair "Criminal Law and Procedure".
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru

Mychak Tatiana Vladimirovna, senior lecturer of Chair "Criminal Law and Procedure".
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: Mychak_tatyana@mail.ru

Sergeev Andrey Borisovich, Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of Chair of Criminal Procedure and Expert Activity.
Address: Chelyabinsk State University, 454001, Russia, Chelyabinsk, Brothers Kashirins Street, 129.
E-mail: Sergeev_ab@bk.ru

Skvoznikov Aleksandr Nikolaevich, PhD (History), Associate Professor, assistant professor of Chair "Theory and History of State and Law".
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: skvoznikov2003@mail.ru

Zaburdaeva Kristina Aleksandrovna, senior lecturer of chair "Criminal Law and Procedure".
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: kris.alexandrovna1992@yandex.ru